

Библиотека Мужского Клуба

Сергей Щепетов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАС ПРОШЕ

ПО ТУ СТОРОНУ

«КРЫЛОВ»

Сергей Щепетов

По ту сторону

«Крылов»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

Щепетов С.

По ту сторону / С. Щепетов — «Крылов», 2017

Когда встречаются два старых друга и желают немного отметить это событие, может произойти что угодно. Особенно, если у одного из них имеется некий прибор секретного происхождения, со всеми возможностями которого и сам хозяин не очень-то знаком. И старых приятелей может занести куда угодно: по ту сторону времени, по ту сторону пространства, по ту сторону зла или даже по ту сторону самой истории. И чтобы вернуться, придется попотеть: придется карабкаться по мирам, встречая во всевозможные приключения и злоключения. А также придется много чего понять про самих себя в частности и про людей в целом.

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

© Щепетов С., 2017
© Крылов, 2017

Содержание

От автора	5
Глава 1. Встреча	6
Глава 2. Остров	23
Глава 3. Причины	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

По ту сторону

Сергей Щепетов

От автора

В судьбу, рок и восточные календари я не верю. В посты, свечи и ароматические палочки тоже не верю – увы! Я бы и в Бога не верил, но как ученый не могу отрицать факт Его бытия. Как-то так сложилось, что пришлось мне попутешествовать по нашей жизни вверх и вниз, вдоль и поперёк, пришлось оказаться причастным сразу к нескольким наукам, которым в молодости меня почти не учили. И вот прихожу я на работу, размахиваю книжкой Маркова или Вишняцкого и кричу: «Ребята, я понял! Я наконец узнал!..»

– И что ты узнал? – осаживают меня коллеги. – Что Марь-Иванна дура? Что с нового года будет сокращение? Уймись – отчёт составлять надо!

Отчет составлять, конечно, надо... Тем не менее есть у меня ощущение, будто всё, что делали и делают эти высоколобые умники, включая Дарвина, имеет к нам самое прямое отношение. Когда-то цивилизованный мир всколыхнулся от известия, что обезьяны – наши ближайшие родственники, что у нас общие предки. Ну, собственно говоря, и что? Какая нам половая разница? Оказывается, разница есть! То ли мы – Венец Творенья, то ли всего лишь уродливые приматы...

А почему уродливые-то? Вот, к примеру, у нас цивилизация – мы ездим на авто и сидим за компьютерами. И зачем же люди эту самую цивилизацию создали? Вполне могли бы обойтись без неё – ведь столько пота и крови пролили...

С какого перепугу в древности люди вытёсывали и перемещали огромные каменные блоки? Зачем строили Стоунхендж, пирамиды и прочие мегалиты? Им делать больше было нечего? Наверное, они это делали с того же перепугу, с какого ныне небогатая наша страна куёт супертанки, варганит ракеты, клепаёт истребители и, не считаясь с затратами, защищает сомнительного президента далёкой страны. Разве не похоже?

Мы ведь не выбирали, кем и когда родиться. Уж коли угораздило родиться человеком, очень полезно научиться видеть разницу между разумными действиями и проявлениями древних инстинктивных программ. Чтобы в повседневной реальности отличать то, что нужно просто терпеть, от того, что можно и нужно менять. Скажем, за демократию надо бороться или в данном конкретном обществе этодохлый номер? А воевать с глобальным потеплением нужно, или оно само рассосётся? Если жена на четвёртом году семейной жизни превратилась в невыносимую стерву, надо дарить ей подарки и хорошо себя вести, или это бесполезно? Зачем всю жизнь «упираться рогом», если в старости не получишь и того, что бесплатно имел в детстве?

Подобных вопросов можно задать много. Но у меня нет ответов, есть только догадки. Попробую рассказать про эту сказку. Жанр вроде бы ни к чему не обязывает – хотите верьте, хотите нет. Может, кто-нибудь прочитает и придумает ответы? Или хотя бы новые вопросы...

Глава 1. Встреча

В мире было мокро, холодно и неприютно. Передо мной шумел проспект, на остановке толпились пассажиры. Они шарахались от брызг из лужи, когда мимо проезжали машины, но всё равно стремились быть ближе к краю, чтоб первыми заскочить в автобус или маршрутку, когда она придёт.

...Сверху сыро, снизу грязно,
Посредине безобразно.
Мое тело и душа,
За душою ни гроша!.. –

вспомнились слова старенькой песенки Ю. Кукина. Какие-то «гроши» в моих карманах всё-таки были, но остальной пейзаж соответствовал полностью. Подошёл седовласый бомж:

– Выручи, батя! Семь рублей на жетон не хватает!

«Какой я тебе «батя»?! – мысленно изумился я. – Впрочем, это я сам мню себя молодым, а со стороны-то виднее...»

– Держи! – сказал я и, зачерпнув не глядя, сыпанул мелочь – рублей пятнадцать, наверное.

Однако этот фрукт тут был, конечно, не один – и что их так ко мне тянет?

– Слышь, корефан! Помоги! Двадцать рублей не хватает!

– Нету. (Вот уж, не корефан я тебе – совершенно точно!) Кто бы мне самому помог?!

– Жмот, с-сука... – пробормотал едва слышно бомж, отходя в сторону.

– От такого слышу! – так же тихо ответил я.

– У-у...

Меньше всего мне сейчас хотелось ввязываться в конфликт. Оппонент, похоже, придерживался того же мнения и тихо отвалил. А я остался посреди всей этой безысходности.

«Может, завалиться к кому-нибудь? Ну да, конечно... Впрочем...»

Мобильник послушно предъявил искомый номер, и я придавил зелёную кнопку:

– Привет, Таня! Я просто так звоню, поинтересоваться, как жизнь.

– Ой, Вова! А я думала, что ты потерялся! Как хорошо, что ты позвонил! Ты представляешь, вчера Павел сказал, что... А сегодня с утра звонил Никифоров и...

Я отодвинул телефон от уха – бла-бла-бла! И снова: бла-бла-бла!

– Извини, подошёл мой автобус, а тут давка! Счастливо! – тихо крикнул я, нажимая «отбой». И, конечно, с места не сдвинулся. Только достал новую сигарету и прикурил: «Может, Серёге позвонить? Это, конечно, край, но всё-таки...»

Жизнь, однако, не предоставила мне выбора – мобильник в кармане затрепыхался, словно живой карась. Обычно он вёл себя гораздо тише. Я его ухватил и, не глядя на экран, нажал «приём». Голос меня почти оглушил:

– Вовка, ты где?!

– В пи... На звезде! Что ты орёшь?!

– Я ору?! Ну, ору, конечно... Давай пиво пить!

– Ну, если спирта нету... А креветок ставишь?

– Если заплатишь! Заходи!

– Это куда же?

– А в стекляшку за твоей спиной! Я тут сижу и смотрю, как какой-то придурок в плаще мокнет на улице. Это, часом, не ты?

– Сам ты это слово!

С Серёгой мы, кажется, были знакомы всегда. И никогда не были друзьями. Во всяком случае «закадычными». Когда-то он был тощим, костистым, несуразным парнем под два метра ростом. И вечно «себе на уме», вечно голоден и общителен настолько, что его избегали приглашать в компании – он всё съест и болтать будет один, а остальным придётся молчать. В общем, ещё тот чудик. Только взрослые почему-то говорили, что он талант и вундеркинд, хотя и ёжику было понятно, что он просто придурок. По моим отрывочным сведениям в послешкольной жизни он дальше кандидатской диссертации не продвинулся. В общем, в практическом плане данный кадр был бесполезен, а в общении утомителен. Но раз уж он оказался в непосредственной географической близости, то уклоняться от контакта я не счёл нужным.

И что же я увидел, зайдя в стекляшку? Сидит этакая туша, семь-на-восемь – восемь-на-семь, пьёт пиво из маленькой (!) кружки, курит сигару (или сигариллу?) и вообще...

– Вовка, пр-ивет!!! Подкатывай! Девушка, можно вас? Нам два пива! Ага – третьей балтики! И музычку уберите на хрен!

– По заказу клиентов!

– Ну, тогда потише сделайте! Вовка, сколько лет, сколько зим!

– Много Лель и много Зин, – солидно сказал я, стягивая мокрый плащ. – А ты чего?

– Да ничего! Понимаешь, я думатель изобрёл!

– Это уже было, – сказал я, усаживаясь на стул. – У Стругацких, кажется.

Мне захотелось рассмотреть получше новый облик старого знакомого, и я попытался протереть очки. Однако платок оказался довольно сопливым, а вытаскивать из штанов край рубашки я постеснялся.

– Ни хрена ты не понимаешь! – слегка возмутился Серёга. – Это ж я фигурально! Ну, назовём это «пониматель» или «читатель мыслей». Не важно!

– Конечно, не важно, – согласился я, запихивая платок в карман. – А креветок тут дают?

– Щас спросим!

Юмор ситуации заключался в том, что этот растолстевший жердяй действительно мог придумывать и изобретать. И, самое смешное, эти изобретения работали! Пальчики у него – когда-то тощие, а теперь толстые, как сардельки – были золотыми. Когда-то я сосватал его одной даме, удачно вышедшей замуж. Серёга оборудовал электроникой санузлы в их особняке – унитазы с тепловыми датчиками, биде с программным управлением и так далее. В общем, денег ему за работу дали много, но заказчица потом жаловалась – муж предпочитает всё свободное время проводить в сортире! Что же ещё родил этот монстр?

– Креветки кончились, – сказала пожилая девушка в грязноватом фартуке. – Лангустов будете?

– Это кто? – наивно спросил я.

– Ну, раки такие...

– А почём? – заинтересовался Серёга.

Ответ заставил его задуматься. Впрочем, ненадолго:

– Пошли! – сказал он властно. – Пошли отсюда на хрен!

– Это куда же? – ухмыльнулся я. – В светлый терем с балконом на море?

– Не трожь Высоцкого – это святое! Дай ей денег, а то у меня только крупные остались...

– Ты когда-нибудь повзрослеешь, Серёга?

– Не-а! – ухмыльнулся старый приятель. – Одевайся!

– Слушай, а с чего ты взял, что я вот прям щас всё брошу, куда-то пойду и что-то стану делать под твою дудку?

– Угу! – гнусно ухмыльнулся Серёга и заявил: – Бросишь, пойдёшь и делать станешь!

– С чего бы? – слегка оторопел я.

– Я ж те по-человечьи объясняю: придумал фиговину! И сделал! И тебя ею проверил. Во, смотри – работает!

То, что он мне продемонстрировал, больше всего напоминало советский широкоплёночный фотоаппарат «Киев». Возможно, он и послужил основой конструкции.

– Это же сканер душ человеческих, как ты не понимаешь?! – очень эмоционально заявил Серёга.

– Чего тут понимать-то, – пожал я плечами. – Ну, амфибрахий, то-сё... А наушники эти зачем?!

– Сам ты наушник! Это ж контакты! Органолептические! Пихай их в уши, наводи объектив на девушку и жми на кнопку – вот на эту!

Я навёл. И нажал.

«...опять придёт пьяный. Может, уснёт, как вчера? А Верка дура... Сколько раз я ей говорила – не женится он на тебе! Дотянула до четвёртого месяца... Курей и картошку я в пакет положу, а пиво? Надо ж налить во что-то...»

– Блин, – сказал я, выдёргивая наушники. – Что за фигня?!

– Проникся? – глумливо ухмыльнулся Серёга. – Тогда пошли!

По дороге я некоторое время размышлял о полезных и бесполезных изобретениях.

– А если навести на иностранца?

– Да то же и будет! – заверил изобретатель. – Это ж не слова, а поток сознания, так сказать. Ну, с иностранцами не так гладко получается – они всё-таки думают малость иначе.

– Ценная штука. Ежели её внедрить, то куча учителей иностранного языка останутся без работы. А уж как обрадуются следственные органы!

– На самом деле всё ещё хуже, чем ты думаешь, – сказал, погрузнев, Серёга. – Так что никуда я данную штуку внедрять не буду. Это – для моего личного пользования. Принцип я с одного приборчика слизал. Вот тот берёт по-настоящему и даже интерпретирует. А этот так – по верхам только, не высказанные вслух слова цепляет и не больше.

Что-то было у Шефнера про пещеру должника. Связи никакой, но именно такая ассоциация у меня возникла, когда я оказался в Серёгином логове. Это было первое впечатление. А второе – вот так и должен жить нормальный человек!

Это была угловая однокомнатная квартира на верхнем этаже панельной хрущёвки. Окно выходило в жизнерадостную стену новодельной многоэтажки из серии уплотнительной застройки. При всём при том, тут было тихо, следы протечек на потолке отсутствовали. Обои, правда, кое-где от стен отстали и свисали вниз, свернувшись рулончиками, но это только сверху. А внизу было вполне уютно – шкафы, стеллажи, кипы книг, компьютерное «железо» и провода, провода, провода... Где-то среди всего этого угадывался топчан, от него вели проходы в санузел и на кухню – к плите и раковине. Дичь, конечно, но я подумал, что и сам бы так жил, если бы...

– Проходи, располагайся! – гостеприимно сказал хозяин. И добавил без всякого пафоса: – Где сможешь.

– И что ж ты так живёшь? – вежливо спросил я. – Ты ж всю жизнь был талантливым и вундеркиндом. Не мог хоромами обзавестись на старости лет?

– Мог, – вполне серьёзно ответил хозяин, роясь под тумбочкой в поисках лишних тапочек. – И обзавёлся. Два раза. Потом бросил – пустое дело.

– Это почему же?

– А потому! Какой смысл в хоромаш для меня лично? Всё равно всё отнимут, а я отдам. Просто не смогу не отдать. Вот такой я человек!

– Не понял?!

– Да всё ты понял! Сам такой же! Ну, куплю я квартиру или коттедж построю. Сразу жена, дети, тёща, тесть... А их надо обустроить, что-то им надо дать. Ну, можно, конечно, и не давать, но они ж хотят, а отказать я... Ну, короче, в лом мне это. Два раза обламывался – больше не хочу. Вот я тут живу – на это гнездо желающих нет, если только какая иногородняя чувиха позарится.

– А мало их, что ли?

– Много их, Вова, ох, много, – вздохнул приятель. – А я ещё не старик, сам понимаешь. Стараюсь на ночь никого не оставлять, но они ж цеплющие! Вот и думаю: может, студию сделать? Снести в сортире стенку и объединить с гостиной! Представляешь?

– Представляю. Однако думаю, это не поможет. Наоборот.

– Тьфу на тебя! – сказал Серёга и швырнул мне шлёпанцы. – Уж и помечтать нельзя!

– Мечтать не вредно! – заметил я и вернулся к реалиям жизни: – На хрена ж ты меня сюда затащил? У тебя что, сосиски и пиво есть?

– Не-а, только пельмени, – ухмыльнулся приятель. – А ты что, сюда жрать пришёл? Ща я над тобой эксперименты делать стану, понял?

– А пельменей сначала дашь? – безнадежно спросил я, усаживаясь на хозяйский топчан.

– Хрен тебе, а не пельмени! – буркнул Серёга. – Ложись на койку, надевай прибор! Да не ссы, не помрёшь!

Почему-то мне совсем расхотелось ругаться и качать права. Фиг-то с ним!

– Ну, лёг... Ну, надел... И что?

– А теперь расслабься и тихо-мирно вспоминай сегодняшний день. С самого начала. Вот ты проснулся в супружеской койке...

Смешно, но под этим колпаком с какими-то липучками внутри было уютно и хорошо вспоминалось. Однако долго расслабляться мне не пришлось:

– Стоп! Хорош! – проорал Серёга. – Будем глядеть, что получилось!

– Ну, гляди, – пробурчал я, усаживаясь на лежанке. – Что там может быть хорошего?!

– Озвучиваю! Слушай:

«Осмотр постоянного местобитания после пробуждения – облупленный потолок, стены с отлипшими обоями, грязные окна – вызвал у субъекта острую негативную реакцию. Причина (краткий вариант):

Дочеловеческие предки Homo sapiens, как и многие животные, устраивали гнёзда или жилища – постоянные или временные. Этот инстинкт очень древний, настолько древний, что в мозгу есть даже определённый участок, отвечающий за «дом», «убежище». В данном случае размеры, отделка и удобства жилища имеют второстепенное значение. Главное, чтобы жизненное пространство было автономным, а его наполнение ориентировано на удовлетворение потребностей именно данной особи и никакой другой. Если такого дома-убежища особь не имеет или оно его не устраивает, возникает чувство дискомфорта – осознанное или неосознанное, вплоть до патологических изменений в психике. Сила потребности в доме-убежище, требования к нему у Homo sapiens формируются в детстве, но сама потребность является врождённой. В процессе социального развития особи возможны подмены и замещения».

– Доволен? – хмыкнул Серёга. – Что тут не так?

– Всё на месте, – кивнул я. – Прибор однозначно подтвердил, что вода мокрая, а огонь горячий. И что?

– Ну, не всякий огонь может быть горячим, – пожал плечами приятель. – Вам – гуманитариям – этого не понять. Но прибор тебя правильно дешифровал?

– Конечно, правильно, – вздохнул я. – С жильём проблема. И никакого просвета: я-то хочу жить один, а метры нужны детям, поскольку им пора заводить семьи и размножаться. Но это – общечеловеческая проблема, о ней ещё классики писали. А нового что?

– Ах, тебе новое надо?! Ну, надевай шлем и вспоминай дальше. Вот ты проснулся сегодня утром, обозрел свою халупу и тебе она не понравилось. А потом? Только не много – мы пока только пробуем!

– Ну, сейчас...

...Туалет оказался занят, ванная заперта изнутри. Минут через десять щёлкнул иппингалет, из сортира появился заспанный юноша.

– Ты там что, книжки читаешь?! – накинулся я.

– А чо ты орёшь-то?.. Задолбал, папа!

– Я ору?! Слушай, ради того, чтобы ты рос сытым и грамотным, я отказался от докторской! Я десять лет занимался хрен знает чем! И что я имею в итоге?! Грязные тарелки на кухне?! Замок в двери сломан, кран на кухне течет – это я чинить должен?! Чтобы ты мог спокойно сидеть всю ночь у компьютера, да?! Тут тебе что, гостиница?! Не хочешь жить по-человечески – сваливай! Полкухни завалено мусором – это я его выносить должен?! Мало я твоих пелёнок когда-то перестирал?! Мало я халтур переделал, чтоб за твою учебу платить?!

– Ох-хо-хо... Как же ты достал... – вздохнул юноша. – Я что, просил меня рожать? Мама говорит, что это было твоё решение! А с твоими халтурами, докторскими и разгрузкой вагонов ты бы уж лучше молчал! Другие из своих кабинетов не вылезали и красиво жили! А ты что?

– Ну, спасибо, сынок...

– Стоп! – сказал Серёга и азартно потёр ладони. – А теперь посмотрим, что мой прибор скажет!

– Слушай, – вяло возмутился я, – может, пожрать дашь? Говорил, у тебя пельмени есть...

– Ага! Иди, ставь воду кипятиться, а я на экран результат выведу. Кастрюля под столом слева. Помой, если грязная...

Газ на плите я зажёл, кастрюлю с водой поставил. А Серёга сидел в закутке между шкафом и стеллажом. Его толстую рожу подсвечивали три экрана сразу, он сатанински улыбался:

– Получилось! Воспринимай!

«Практически нейтральное поведение сына вызвало у субъекта острую негативную реакцию, выплеск агрессии. Причина (краткий вариант):

Имеет место неосознанная попытка реализовать очень древний (ещё дочеловеческий) инстинкт изгнания самцом-доминантом подросших сыновей из общности. Инстинкт характерен для очень многих млекопитающих, ведущих групповой образ жизни. При переходе к производящему хозяйству (неолиту) у Homo sapiens данный инстинкт частично заместился другим – инстинктом укрепления сыновьями семьи как производственной ячейки. У животных и людей, не изгоняющих молодых самцов, последние обычно развиваются не полностью, часто оказываются исключёнными из репродуктивного процесса».

– Угу, – сказал я. – А медведи, особенно белые, вообще собственных детёнышей жрут за милую душу – по телеку показывали.

– Медведи ведут одиночный образ жизни! – поучающим тоном заявил Серёга. – Они нам не пример. Вода вроде закипела – иди, засыпай пельмени. Только посоли сначала!

– Слушай, а что ты загрузил в свою машину? – поинтересовался я, вернувшись с кухни. – На основе кого оно у тебя думает?

– На основе всех богатств, которые выработало человечество! – гордо заявил изобретатель и начал перечислять: Юнг, Фрейд, Лобок, Лоренц, Дольник, Добровольская, Протопопов, Марков, Бутовская, Вишняцкий...

– Угу, – кивнул я, дослушав список. – Только Буровского и Щепетова не хватает!

– А что?! – восторженно воскликнул приятель. – Это мысль – щас добавим! Они же есть в оцифрованном виде... Во – так-то лучше!

– Хи-хи, – отреагировал я. – Теренса Маккену забыл.

– «Пищу богов»? Верно, и его туда же! Теперь всё?

– Не-а! А Поршневу с Диденко?

– Бал-лин! – взвился Серёга. – Обыватель хренов! Почему «с»?! Поршневу – хороший человек, он в списке один из первых! Ты просто прослушал! А Диденко... Ты бы мне ещё Блаватскую и Мулдашева сосватал! Бал-лин горелый! Не ожидал от тебя!..

– Ладно тебе, шучу я так... Должно же быть у Кузи детство? Шутки не понимаешь, да?

– Ладно, проехали, – вздохнул Серёга, стремительно успокаиваясь. – Ну, что, ещё поиграем?

– А давай! Только смотри, чтоб продукт не убежал.

– Ладно!

– Понимаешь, прихожу я вчера с работы...

– Ты мне-то лапшу не вешай! Через «думатель» думай!

– Думаю...

...Дождавшись паузы в бесконечном изложении, кто что про кого сказал, куда пошёл и что купил, я начал рассказ о своём – самом больном и сокровенном:

– Ты знаешь, Вера, а меня сегодня опять Пал Иванович вызывал...

Реакция женщины, с которой я прожил множество лет, была простой – выплеск агрессии, волна недовольства:

– Да куда ж ты сам смотрел?! Что, не мог нормально сделать?! Сам говоришь, куча ошибок и срок затянул! О чем тебя не предупредили?! Глупостей не говори! Чего ты не знал?! Ну, спросил бы у кого-нибудь!..

И так далее, и тому подобное. Самое обидное, ведь это не в первый раз. Но почему же я раз за разом наступаю на одни и те же грабли?! Почему меня тянет поделиться с близким человеком? Ведь знаю, что не пожалеет! А с другой стороны: нормальная, казалось бы, логика – поддержать мужа в тяжёлый момент жизни. Ей что, трудно? Откуда это яростное желание добить, утопить окончательно? Я ей что, враг? Прямо-таки на предательство похоже...

– Та-ак, – сказал Серёга. – Зря мы тех двоих в базу загрузили – они писучие, оказывается. Теперь машина дольше думать будет. Во, готово!

«Субъект испытывает желание поделиться проблемами, пожаловаться на неудачи женщине. Причина (краткий вариант):

Последние 8–10 тысяч лет вид Homo sapiens существует в условиях, противоположных для приматов. Древний инстинкт разбегания при увеличении численности накладывается на потребность в ещё большем сгущении для защиты своей кормящей территории. В результате репродуктивные возможности получили «недозрелые» самцы, до старости лет остающиеся полудетями. Только из таких получаются хорошие рабы, работники и солдаты (не путать с воинами!) Соответственно, желание «поплакаться в жилетку» женщине – половой партнёрше, может возникнуть у вполне взрослого, казалось

*бы, мужчины. Он подсознательно ассоциирует её с матерью, которая обязательно пожалеет. Однако самки вида *Homo sapiens* более консервативны, они склонны следовать наиболее древним инстинктам. А эти инстинкты требуют, чтобы половой партнёр был силен и удачлив. Демонстрация слабости со стороны мужчины у женщины вызывает подсознательное чувство обиды и агрессию – не того выбрала!»*

– Спасибо, родной, – сказал я. – Прямо бальзам на душу пролил! Утешил, можно сказать!

– Не, ну ты, Вова, чего хочешь? Истины или радости?

– Жрать я хочу...

– Ах да, чуть не забыл! Щас я воду солью! Ты всю пачку высыпал?

– Конечно! Там было-то...

– Не ври – там полкило оставалось! Ладно, сиди...

Через минуту хозяин вернулся:

– Уварились. Давай жрать!

– Давай, – вздохнул я. – Только ты сам, помнится, когда-то говорил, что жрать – дело скотское, а вот выжрать...

– Ноу проблем! – заявил Серёга. – У тебя за спиной на подоконнике коробка. Приищи там что-нибудь.

Я приискал. И долго разглядывал навороченную этикетку на литровой бутылке.

– Коньяк, что ли?

– Виски, дурак! Сколько-то летнее. Извини, дорогой, водки не держим!

– М-да... Это сколько же моих зарплат стоит данная емкость?

– Смотря какая зарплата.

– Но ты же типа бомжуешь?

– Не-а! – нагло ухмыльнулся Серёга. – Это у меня имидж такой. Просто на дело своё мне халтурами зарабатывать приходится.

– Типа унитазов с сенсорами, которые от запоров помогают?

– Это – в прошлом! Я нынче великий экстрасенс, психотерапевт, психоаналитик и гуру – всё в одном стакане.

– Что-то я тебя в Интернете не встречал. А в «Одноклассники» я не хожу...

– Слушай, Вован, – Серёга вдруг стал старым и усталым, – давай не будем о грустном. У меня псевдоним, конечно. У нас есть фуфыр, есть жрачка, над нами не капает, и менты не повяжут за распитие. Что ещё нужно для полного счастья?

– Ну, как тебе сказать... – замялся я. – Вот твой «думатель» мне в душу нагадил, всё объяснил, сволоочь. А делать что? Жить-то как?!

– Ну ты даёшь! – чуть не разозлился хозяин. – Сразу сказать не мог? Это ж другая функция! Смотри: заходишь в «Меню» и жмёшь «Рекомендации». Усёк? Ну, внимай!

«Диагноз:

Данная особь мужского пола не является высокоранговой (в этологическом смысле). Или не считает себя таковой.

Рекомендации:

Никогда не жаловаться непосредственным или потенциальным половым партнёрам, а так же детям – своим и чужим. Допускаются жалобы только на избыток денег, жилья и свободного времени. В определённых ситуациях можно пожаловаться на избыток власти и сексуальных партнёров. В крайнем случае на реальные трудности можно пожаловаться маме, бабушке или тёще. Однако и этого следует избегать – им гораздо приятнее видеть вас успешным».

– Понял? То-то! А ты говоришь «купаться»...

– Тоска... – сказал я, перемещаясь на кухню. – Во многом знании сплошные печали. А майонез или сметана у тебя есть?

– А хрен его знает! Посмотри в холодильнике!

В холостяцком холодильнике по определению должна быть «...зима, пустынная зима...». Однако в обшарпанном советском уроде имелось много чего. С трудом я выбрал нечто, похожее на майонез, но это оказался французский соус для седла барашка «по-испански».

– Сойдет, – сказал хозяин. – Наливай!

Налили. Выпили. Пожевали пельменей. Что-то и есть расхотелось... Впрочем, «вискарь» обжигал слизистую, и его надо было закусывать. Пару переваренных раскисших пельменей я оставил для заедания следующей дозы.

Закурили.

– А знаешь, Вован, как я первый лимон заработал? – задумчиво проговорил Серёга. – Обхохочешься.

– Что, и правда смешно? – с превеликим сомнением в голосе уточнил я. – Только учти, таких историй я наслушался выше крыши. Обычно они кончаются просьбой занять пяток тысяч до зарплаты. Или гонорара.

– Я тебе сам займу, – обиделся хозяин. – Ты кто такой? Чиновник, блин, исполнитель! А я – ого-го!

– Хорош пальцы гнуть! – вздохнул я, разливая по новой. – Всё это мы проходили. Что-нибудь новенькое скажи.

– Так ты же слушать не хочешь! Ну, ладно, внимай! Сосватали мне как-то по знакомству одну девушку. В смысле – даму. Страдающую. То ли она жена какой-то шишки, то ли мама, то ли тёща – я такими вещами принципиально не интересуюсь. В общем, девушка мучается, и никто ей помочь не может. Я – последняя надежда. Ясен перец, объясняю даме, что не практикую, поскольку завсегда только о возвышенном думаю. А она мне... Ну, короче, сумму назвала хорошую и с перспективой развития. Я согласился – как бы нехотя.

– Угу, – кивнул я, отслеживая действие «вискаря» на свой организм. – К тому времени ты уже полгода питался кефиром и черняшкой. А тут ты трахнул старушку, она ушла довольная и оставила кучу денег. Да?

– Обижаешь, начальник! Мокрое дело шьёшь, а я просто компот пролил! Бедным я тогда уже не был – электронные унитазы, биде, то-сё... Но в данной песне меня приколот юмор ситуации: у девушки (слегка за шестьдесят) всё есть. Однако она страдает от того, что на лице образуются морщинки, а на ляжках целлюлит. Она не претендует на то чтобы от этого избавиться, она желает перестать от этого страдать! Представляешь?!

– Не-а... Не представляю. Шибко умная, что ли?

– Нет, конечно! Просто ей завидно – у некоторых знакомых дела обстоят хуже, а они не страдают. В общем, перепробовала она множество всяких психотерапевтов и психоаналитиков, заплатила кучу денег, потратила уйму времени, но страдать не перестала.

– А ты её враз вылечил, да?

– Опять ты хамишь и упрощаешь! – почти всерьёз обиделся Серёга. – Я ей сказал, что лечить не буду, денег не возьму, но диагноз поставлю и рецепт пропишу. А дальше как хочешь!

– Поставил?

– Угу. Ну, я приборы подключил, экранами поморгал, индикаторами посигналил – всё как положено в хайтеке. До кучи в колокольчики позвонил, свечи зажг, перекиси водорода плеснул... Ну, пошаманил малость – бабы это любят, зачем отказывать? А потом спра-

шиваю: сколько сексуальных партнёров было у вас в жизни? Она говорит: два. А сколько мужчин добивалось вашей благосклонности? Она говорит: три, остальных я сразу отшила. Вот, говорю, в чем проблема! И приборы, и вышние силы говорят о вас одно и то же! Вы достойны в жизни как минимум пяти сексуальных партнёров! А ухаживать за вами должны буквально все мужчины! Ну, десятка полтора как минимум. Отдаваться им не обязательно, но взгляд... Но благожелательная улыбка... Мах ресниц... Это же не трудно, правда? И как только избранные окажутся в вашей койке, а прочие – у ваших ног, от хворей и страданий ваших не останется и следа! На сём, говорю, прощайте!

– Простилась?

– Угу. А через месяц я стал богатым человеком. До сих пор поздравления от неё получаю по всем праздникам!

– Да-а, – вздохнул я, разливая следующую дозу. – Если б не... Подумал бы, что ты байки травишь, сказки рассказываешь. Давай по последней и пойду – а то жена...

– Вот! – воздел к потолку толстый палец хозяин. – Опять ты за своё! При чем тут жена?

– Что значит «при чём»? Она же жена!

– Угу, – глумливо ухмыльнулся Серёга. – А тебе не приходила в голову простая мысль: вот сидят двое немолодых мужчин, пьют виски, общаются, и им хорошо. И вдруг кто-то должен всё бросить и бежать сквозь темень и слякоть, чтоб получить тарелку невкусного супа и кучу упрёков. Это нормально?

– М-м-м... – засомневался я. – С одной стороны, конечно, но с другой как бы...

– Всё с тобой ясно! – заявил хозяин. – Номер давай!

– Чей?!

– Её, конечно. Как она у тебя... Вера?..

– Ивановна...

Наверное, я оказался под гипнозом чужой воли – достал мобильник, отщелкал в «записной книжке» номер жены и выложил перед Серёгой. А тот немедленно этим воспользовался. Мне оставалось лишь прикурить сигарету и ждать дальнейшего развития событий. Ожидание оказалось недолгим:

– Вера Ивановна? – пророкотал бархатным, прямо-таки обволакивающим басом Серёга. – Добрый вечер. Боюсь, вы меня не помните, хотя мы знакомы. Это Сергей Похмелюгин вас беспокоит. Нет-нет, точнее, да! Просто Нетрезвякин – мой сценический псевдоним! Да-да, вы совершенно правы! Именно так – он здесь! Что вы, с женщинами у нас проблема! И выпить нам сегодня никак не светит! Но завтра... Может быть, вы согласитесь составить мне компанию? Ваш образ... Но сегодня у нас очень важные переговоры. Боюсь, что до утра. Если ваш Владимир не оплошает... Одну минутку! – Серёга прикрыл микрофон ладонью и стал говорить чуть в сторону: – Вовка, ты что мне подсовываешь?! Я же сказал, требуй сто тридцать семь миллионов, и ни копейки меньше! Евро, конечно, при чём здесь доллары?! Нет, не соглашайся!

Он убрал ладонь с агрегата и продолжил всё тем же тоном:

– Простите, Вера Ивановна, такая у нас работа! Если мы победим, вы согласитесь украсить нашу вечеринку? Уютный ресторан, тихая музыка, смокинги, вечерние платья... Как у вашего... гм... Володи со смокингом? Но это же не сможет помешать вам к нам присоединиться, правда?.. Нет, вам наш адрес не нужен, я просто пришлю за вами машину! О, разумеется!.. Одну минутку, извините!.. Кажется, президент требует меня лично! Я вам перезвоню, извините...

Он нажал отбой и откашлялся, сволочь!

– Вот видишь, как всё просто, – устало вздохнул хозяин. – А ты говоришь «жена»!

– Вообще-то я молчу, – констатировал я. – А говоришь – ты. Ты хоть знаешь, сколько весит эта моя Вера Ивановна?

– И знать не хочу! – заявил Серёга. – Сегодня эта женщина заснёт счастливой, овечьей мечтами и грёзами, понял? Мой принцип: халва безумцу, который навесит этой тётенке сон золотой! Понял?

– Да пошел ты... – отмахнулся и пригорюнился: «А сам-то я могу кому-нибудь что-нибудь навесить? И надо ли?..»

В пароксизме безысходности я плеснул нам в бокалы полуторную дозу:

– За то что б мы не спали!.. Со всякими там грёзами, бляха-муха!

– Не хочешь, не спи! – философски пожал плечами Серёга. – Я вообще предпочитаю спать один, но они – эти мерзавки – всё норовят остаться на ночь и прилюлюпиться. Будем!

Выпили, заели соусом, закурили. И он зазвонил. Да-да, затренькал мой не убраный со стола мобильник!

«Ну вот, – скорбно подумал я, – уже и началось. Интересно, она отправит меня смокинг покупать или скажет, что завтра идёт на день рождения?»

Облом оказался полным – звонила дочь:

– Папа, здравствуй! Ты помнишь, что я тебе вчера говорила?

– А ты мне вчера что-то говорила?

– Ну, значит, хотела! Какая разница. Я выхожу замуж!

– Опять?! – меня словно ударили под дых. – Ты ж выходила уже...

– Ты не понимаешь! Теперь всё серьёзно! Мы любим друг друга! И не надо твоих шуточек!

– Хорошо-хорошо!.. – растерялся я. – Выходи, кто ж мешает?!.. А за кого, если не секрет?

– За Сашу Терпигорева – неужели ты не понял?!

– Кхе!.. Гм!.. Кхе-кхе...

Серёга, понимающе ухмыляясь, подал мне бокал с новой дозой вискаря. Я выпил его как воду:

– Извини, доченька, что-то у меня с горлом... Я сейчас... Кхе! Кхе-Кхе! Уф-ф!.. Да-а-а... Слушай, но ведь ты же... А он... Красивый парень, конечно, но... И родителей его я знаю...

– Папа!

– Кхе! Ты, вообще-то, у меня совета спрашиваешь или в известность ставишь?

– Ну, папа!!!

– Кхе! Я тебе перезвоню!..

Красная кнопка отбоя мягко продавилась под пальцем. Вид, наверное, у меня был ещё тот – Серёга отлепил от своей губы сигарету и протянул её мне. Я докурил в две затяжки. Вроде полегчало... Достал из пачки новую.

– погоди, – остановил меня хозяин. – Давай лучше науку изучать. Познавать, так сказать, натуру человечью!

– Опять эта машина?

– А что? Пусть от твоих соплей будет хоть какая-то польза!

– Блин горелый!.. – безнадежно вздохнул я, поднимаясь с табуретки. – Семь бед – один ответ...

Говорят, что к сыновьям отцы предъявляют завышенные требования. А дочерей просто любят... Доченька: девочка, девушка, женщина. Красавица, спортсменка, отличница... Преуспевающий менеджер в навороченной фирме... Ну, конечно, по возрасту ей уже пора замуж. Но... Но при чём тут этот Сашка Терпигорев?! Я его родителей со школы знаю! Отец – хулиган и олигофрен, два срока отсидел, наркоман, алкаш и ханыга. Мамаши – бывшая проститутка, диабетичка и тоже вроде бы алкоголичка, если такое бывает. А сынок

ихний – красавец-парень, этакое тупое, наглое животное. Ну почему?! При чём здесь моя Людочка?!

– Э! – сказал Серёга. – Маловато будет! Техника предлагает многовариантную интерпретацию! Ежели мы её – такую интерпретацию – просекать станем, то моих запасов не хватит, да и не выпить мне столько! Дай ещё что-нибудь – про девочку, про мальчика – для локализации и конкретизации!

– Угу...

...она хотела общаться. Моя доченька-отличница общалась по телефону с подружками, реже – с мальчиками. А я слушал – вынужден был слушать... Что? А вот то: бла-бла-бла! И снова: бла-бла-бла! И опять... Час за часом, всё свободное время! И ни одной мысли, никаких соображений, обобщений, выводов – разум отдыхает! Только бла-бла-бла... Он пошел туда, а она сказала, а он... а она... но она купила... а я позвонила... а он... а она... а у неё... мне стало так смешно... но мы...

Боже ж ты мой!!! У неё почти не было четвёрок ни в школе, ни в институте! Она гуманитарий-полиглот, иностранные языки – легко и без мук. И ни одной книги сверх программы! Шаламов? – проходили. Толстого и Чехова – тоже проходили. Азимов, Ле Гуин, Стругацкие, Брайдер и Чадович – это кто такие? Лоренц, Дольник – это о чем? Лукьяненко?! А, мы же фильм смотрели! Булгаков? Мы его тоже смотрели – ещё в школе... Этот твой друг пишет книги? Ой, как здорово! Нет, не читала... Ну, извини, я только про вампиров люблю...

Эта девушка, если сама не сломает себе судьбу, вполне способна в будущем возглавить какую-нибудь крупную фирму или корпорацию. Может быть, станет влиять на политику, распоряжаться судьбами людей. Но как, если?!..

– Хорош! – заявил изобретатель, стягивая с меня колпак. – Эк тебя развезло. Ближайшие пятнадцать минут – ни грамма! Трезвость – норма жизни!

– Угу, – сказал я. – Кому бы в рыло дать от безысходности?

– Мы и это – про «в рыло» – тоже рассмотрим! Но сейчас давай разберёмся с брачеванием. Машина до хрена чего выдала. Как бы её на «резюму» переключить?.. Ага, чтоб, значит без лишних комментариев... Ну, просекай!

«Homo sapiens относится к немногим видам крупных млекопитающих, у которых самцы заботятся о потомстве. К этому их принуждают самки – в основном, при помощи «поощрительного спаривания». Миллионы лет эволюции выработали у самок этого вида инстинкт, который требует отдаваться самцам, занимающим наиболее высокое иерархическое положение в стаде или в стае. Такие самцы узнаются по ряду признаков – физическая сила, наглость, бесстрашие. Условия жизни людей за последние тысячи лет радикально изменились, а инстинкт остался. Соответственно женщины, будучи предоставлены сами себе – без внешнего контроля – подсознательно склонны выбирать партнёров по древним признакам. Даже если эти качества в современной обстановке не дают самцу никаких преимуществ в иерархической борьбе – инстинкт зовёт!»

– А рекомендации тебе надо? – ехидно спросил приятель. – А то щас нажму!

– Жми! – простонал я.

«Рекомендации:

При воспитании особой женского пола, которым предстоит жить в высокоразвитом обществе, следует всячески развивать их интеллект, способность контролировать разумом свои склонности и желания. На практике это удаётся редко. Поэтому в процессе развития цивилизаций был выработан более простой и эффективный способ – лишение женщин свободы выбора сексуального партнёра. Это – насилие, но оно естественно и в большинстве культур воспринимается женщинами как должное.

Примечание: Не исключено, что само возникновение цивилизаций, развитие науки, техники и культуры стало возможным лишь после того, как люди научились контролировать сексуальный выбор женщин».

– Спасибо, родной, – прокряхтел я. – Сразу всё объяснил, сразу всё распонятил! А делать-то что?!

– Как что?! – искренне, казалось бы, изумился Серёга. – Тебе же всё объяснили!

– И что же мне с того за радость?! Они ж точно поженятся! А через полгода разведутся со скандалом! Ещё и внука мне сделают... Или внучку... С плохой наследственностью!

– Не, ну ты чего, Вова? Простых вещей не понимаешь? Берёшь за косу, ставишь на четыре точки и ремнём по попе!

– А потом?

– Потом запираешь в тереме высоком!

– В который «нет хода никому», да?

– Конечно! Для того на Руси терема и придумали – чтоб девок там до свадьбы держать. Ты что, не знал?

– Слушай, Серёга... Ну, как я её буду пороть – у неё какой-то там пояс по тхэквондо, а у меня был только второй юношеский по боксу. И терем где я возьму? Мы же в трёшке живём!

– Ах, ты не можешь её пороть, да?! И терема у тебя нет?! А чего ж тогда выпендриваешься? Раз ты такой беспомощный и бедный, так нефиг и справедливости хотеть! Ешь, что дают, принимай удары судьбы и не ной! Раньше надо было думать!

– Это когда же – раньше? Пока маленькие были?

– Конечно! А ты думал, что твоя обязанность им на еду и шмотки зарабатывать? Нет уж – родил, так воспитывай!

– Слушай, Серёга... – мне опять стало тоскливо и грустно. – Слушай, вот уж в этом вопросе совесть моя чиста! Вот на ком я не экономил силы и время, так это на детях! Начиная от стирки пелёнок и кончая совместным приготовлением уроков. Ну, только что на дискотеки с ними не ходил, когда подросли! А толку? А результат?

– Чо ты меня-то спрашиваешь?! У меня же думатель-объяснитель есть! Который на основании «всех богатств» соображает! Вот давай его и озаботим. А ты вспомни что-нибудь из своей молодости, а из их детства. А я пока посуду помою...

Углубляться в прошлое мне хотелось не сильно, но постепенно я увлёкся – даже обидно стало, когда хозяин начал меня теревить:

– Хватит! Эти твои сантименты с розовыми соплями информации не добавляют. Принимай, что есть!

«Диагноз: субъект не удовлетворён результатами своих педагогических усилий. Причины (кратко):

В настоящее время можно считать доказанным, что основные свойства характера, психики, способностей ребёнка передаются по наследству. По разным оценкам от 70 до 90 процентов. Информация об этом не популяризируется по причинам социального плана. Педагог-воспитатель может изменить очень немного, да и то в зависимости от своей заинтересованности и квалификации».

- Пороть надо было, – вздохнул я. – Но я же добрый...
- Что, не порол, что ли?
- Ну так, символически – когда маленькие были... Однако все говорят, что это вредно.
- А давай посмотрим – на основании того, что с тебя скачалось. Развернём причины!
- Давай...

«...Отношение к детям как к «цветам жизни» появилось очень поздно и только в благополучных обществах. Ещё во времена Чехова физические наказания были обыденностью даже в образованных семьях. Причина распространенности и устойчивости этой традиции заключается в необходимости подготовить будущего члена общества к ограничениям, которые придётся соблюдать в дальнейшей жизни. Часть этих ограничений (например, не убивать, не красть, не врать, почитать старших по возрасту или чину) кажутся очевидными, но тем не менее врождёнными не являются. Ребёнок может родиться с повышенной агрессивностью или склонностью к воровству. Беснаказанность в детстве легко может сформировать представление о вседозволенности и в дальнейшем сделать такого человека асоциальным элементом. Физическое наказание – самый простой педагогический приём, не требующий от воспитателя особой квалификации. А вот целенаправленное воспитание без физических наказаний, напротив, требует от воспитателя высоких моральных качеств, квалификации, заинтересованности, ненормированных затрат сил и времени. И всё это без гарантии успеха – сплошь и рядом оказывается, что врожденные пороки извести воспитанием нельзя, в лучшем случае удастся слегка притушить их проявления...»

– Всё, хорош! – воздел я десницу к низкому потолку. – Ты меня накормил, напоил и в бедах моих утешил. Благодарю покорно! Ерштвоуюмьт, бли-ин горелый... Так мне что же, и домой сегодня идти смысла нет?! Моя благоверная со страшной силой готовится к свиданию с тобой, и я ей не нужен, да?

– Вова, ну какой ты скучный... – вздохнул Серёга. – Нет в тебе полёта, нет устремления!

– А куда надо устремляться-то?

– Ввысь, конечно! Или в глубины...

– По-моему, тебе ближайшие двадцать минут тоже наливать не стоит. Так ты что, меня тут спать положишь, раз от дома отлучил и жену совратил?

– Жену пока ещё не совратил. А надо?

– Пошёл на хрен! – от души выразился я и сразу же усомнился: «А, может, и правда, надо?...»

– Сам пошёл! – отреагировал Серёга. – И не куда-нибудь, а в сортир! А я тебе лежанку пока оформлю. И морду помой, а то у тебя глаза грустные!

Из «совместного» санузла я вышел минут через десять. Некое лежбище для меня было уже готово, а Серёга опять сидел в паутине проводов среди разнокалиберных экранов.

– Справился? – косо глянув, спросил он меня.

– Чо там справляться-то... – вяло отмахнулся я. – Только в зеркало смотреть противно. Лысею!

– Вот! – внезапно возбудился изобретатель. – А почему тебя колыхает количество волос на голове, а?

– С ними красивше... – недоумённо пожал я плечами.

– Врёшь! – обрадовался приятель. – Эту тему надо разжевать! Давай, надевай колпак!

– Опять? Ну ладно...

И машина считала мои мысли. И выдала резюме:

«Диагноз: субъект не удовлетворён своей внешностью, в частности количеством растительности на голове.

Причины (кратко). Субъект сомневается в своём иерархическом ранге и подсознательно ищет ему подтверждения. Наиболее простым и древним показателем «высокого качества» самца у приматов является его внешний облик – он должен быть «свирип, вонюч, волосат». Отсутствие буйной растительности на голове неосознанно воспринимается как признак молодости (ещё не выросла) или старости-дряхлости (уже облысел). Отсюда происходит мода на парики и бороды в средние века или на щетину на подбородке в конце XX – начале XI веков. Издревле рабов, заключённых и рекрутов стригли наголо. Протест против традиций общества – длинные волосы хиппи. Отсюда происходит и «антимода» конца XX века – бриться наголо, характерная для низко- и среднеранговых членов криминальных группировок. У женщин мотивировка другая».

И придраться мне было не к чему – всё по науке...

– Ладно, мы спать-то сегодня будем? – уныло поинтересовался я.

– Ложись, а я ещё посижу...

– Угу... Только музычку убери! – попросил я, стягивая штаны. – Эти ритмы на басах меня за селезёнку щиплют – терпеть не могу!

– А это – другая тема! – заявил Серёга, поднимаясь во весь свой немалый рост. – Прикол в том, что это – не моя музыка.

– В смысле?

– Данные зажигательные ритмы тяжёлого рока происходят из сорок шестой квартиры. Она находится этажом ниже, и вход из соседнего подъезда. Однако пробивает сквозь все стены – хрущёба всё-таки.

– И ты это терпишь? – подначил я в пьяном кураже. – Насколько мне известно, боец из тебя не ахти, однако имидж внушительный. Сходил бы к ним и разобрался! А то давай вдвоём сходим – ну, огребём пи...й – первый раз, что ли? Спать же не дадут!

– Не, – качнул головой амбал, – там мы не огребём. Ходил я уже... Думаешь, там бритые жлобы веселятся? Не-а! Это девочки-соплячки отдыхают. Студенточки иногородние там квартиру снимают. То соседей зальют, то пожар устроят. А уж без музыки им никак!

– И ты это терпишь?! – рефреном спросил я.

– Обижаешь, начальник! – ухмыльнулся Серёга. – Я отчаянно борюсь за своё жизненное пространство! Отстаиваю его, так сказать!

– М-да, похоже, отстоял...

– Ваши намёки, Вован, я отвергаю в корне! – глумливо возмутился приятель. – Эта беда – не беда. Я, конечно, к ним поначалу ходил, объяснял, внушения делал и лекции читал о том, что жить в обществе и быть от него свободным никак нельзя. В том смысле, что надо себя ограничивать в соответствии с требованиями соседей. Однако хватает этих внушений максимум на сутки, а потом всё по новой. Они же девчонки – они не разумом живут, а...

– Хорош грузить! – слабо возмутился я. – Вот ты мне будешь рассказывать, каким местом думают тинэйджеры! Особенно женского пола... Знал бы, лучше б к жене ночевать пошёл!

– Да перестань ты ныть! Ты ж с технико-гуманитарным гением имеешь дело! Мешает чужая музыка? Так заткни её!

– Гранату кинуть?

– Зачем? Чемоданчик видишь? Ну, на котором у тебя подушка лежит? Вот, доставай его, открывай...

– Ну, достал. Ну, открыл... Это тот самый, который думатель-пониматель? И колпак вот тут пристроен...

– Он самый. Индикатор горит? Хорошо! Внизу по центру два тумблера, а над ними экранчик. Видишь?

– Угу!

– Смотри на экранчик и тихонько крути тумблеры – ищи «максимальное биение», как в рации.

– А как я узнаю, что нашёл?

– Узна-а-ешь!

В институте на военной кафедре нас учили пользоваться старинными рациями, так что крутить ручки настройки я умел. Правда, здесь эти штучки, казалось, были декоративными – техника явно реагировала не на вращение, а на тактильный контакт. Минут через пять я добился того, что еле слышная соседская музыка стала почти оглушительной.

– Быстро запеленговал! – проорал из своего угла Серёга. – Теперь жми на «Delete»!

И всё стихло.

– Во как! – искренне удивился я. – У них там разом все предохранители полетели и провода расплавились, да?

– Ты знаешь, – задумчиво сказал Серёга, – самое смешное, что всё цело. Но больше не работает. Честно говоря, эффект я изучил не полностью...

– А от автомобилистов оно помогает? – оживился я. – Ну, которые по утрам музыку в своих тачках под моими окнами включают? Или двигатели в шесть утра прогревают! Я уж и не знаю, то ли последней гранатой пожертвовать, то ли презервативами с дерьмом в них с балкона кидаться!

– А морды бить не пробовал?

– Пробовал, – буркнул я и пальцами покачал обломок переднего зуба. – Но это ж одеться надо и на улицу выйти... А так спать хочется!

– А вот у меня под окнами тихо! – гордо заявил Серёга.

– Машинка?

– Ты знаешь, на улице она пеленгует объект с полумаха. Двигатель глохнет, музыка вырубается. Но это не электромагнитный импульс, как при ядерном взрыве. Тут что-то смешнее...

– Темнишь ты что-то, – вполне резонно заметил я. Но его реакция была неадекватной.

– Ну, темню! – вдруг заорал Серёга. – Не знаю я! Не знаю я, в какой шарашке этот блок сделали! Запчастей нет и не будет! Я к нему интерфейс современный приделал, оно работает! А где взял – не скажу, блин горелый! Я ещё пожить хочу! Бл-ляха муха и...

Матерился он долго и невнятно, постепенно затихая. Я терпеливо ждал. Меньше всего мне хотелось оказаться замешанным в какие-нибудь отвратительные тайны – зачем? Хотя исподволь в сознание заползала мысль: а почему нет? Чем я рискую, кроме жизни, от которой давно не получаю удовольствия? Дом я построил, дерево посадил (а срубил гораздо больше!), детей родил и вырастил. А где-то, наверное, растут и те, кто не подозревает о моём отцовстве – но мамы-то знают! В общем, свой МВП (мужской вклад в потомство – этологический термин!) я внёс, наверное, полностью, бесценные гены свои репродуцировал. Так «Чем дорожу, чем рискую на свете я? Мигом одним, только мигом одним...»

– Слышь, ты, электронный гений, – грубо сказал я. – Давай ещё по сто грамм вмажем. Для успокоения твоих нервов!

– И по бабам? – хмыкнул Серёга.

– Не, я те круче приключение предлагаю: вмажем граммულку, а по бабам не пойдем – вот это будет прикол!

– Это не прикол, – вздохнул приятель. – Это – старость. – Ну, наливай!

Бокалы я поставил рядом, чтоб не промазать, и разлил виски очень аккуратно. Чуть задумался, прикидывая, надо ли чокаться и за что. Но судьба распорядилась иначе: дом содрогнулся, и наши «стаканы» чокнулись сами собой. Прежде, чем я сформулировал вопрос, толчок повторился. Следом ещё...

Серёга подхватил свою посудину:

– Ну, будем, пока не началось!

– Будем...

Выпили, зажевали, подышали, закурили... И вновь трянуло!

– Слушай, – сказал я, – это не пьяные глюки. Это сейсмические толчки. Землетрясение типа. Надо срочно собрать вещи и покинуть помещение! Пока не рухнуло.

– Не-а, – печально вздохнул Серёга. – Это – соседи снизу. С первого этажа.

– Ты достал! – искренне возмутился я. – То у тебя девочки отмороженные музыку слушают, то землетрясения доморожденные! И всё – на ночь глядя! Куда я попал?!

– В задницу, конечно! – ухмыльнулся изрядно уже окосевший вундеркинд. – Это сосед снизу шумит. Он физкультурой занимается – хороший парень...

– Бьёт по стене штангой в двести кэгэ, да?

– Ну, может и не двести... А все триста!

– Что-то я не понял ваших приколов...

– Чо понимать-то... – Серёга ухватил бутылку с целью снова разлить, но передумал. – Мужик скупил весь первый этаж и, похоже, подвал в придачу. Оборудовал себе тренажёрный зал. Как со смены придёт, так и начинается...

– С какой ещё смены?

– Ты, когда через наш двор шёл, халабуду кирпичную за деревьями видел?

– Ну, видел...

– Это – культурный центр! Нашего района... В общем, там на втором этаже библиотека. И этот хмырь в ней работает. Смена у него – три дня в неделю. Обычно он где-то на стороне кантуется, а по вторникам, четвергам и субботам сидит в библиотеке – книжки выдаёт, кружки какие-то детские ведёт. А потом приходит домой и оттягивается.

– И что, соседи терпят?

– Нет, конечно. Ходили, разговаривали. Но у этого чудика разговор короткий: не нравится – сваливайте, я вам дам денег на квартиру побольше, но в другом месте. Кое-кто согласился...

– Богатенький библиотекарь, однако...

– Слушай, рылом он, конечно, не вышел, а так – мужик нормальный. Беда только, что к нему в последнее время корефан заходит. Вот тогда начинается – как сейчас. Тебе просто не повезло...

– Бухают?

– Хуже, хе-хе...

– А как же твоя машинка? Не пробовал?

– Он не пеленгуется! – развел руками Серёга. – У него, похоже, кроме ноутбука и холодильника вообще никакой техники в доме нет!

– Экзотические у тебя соседи! – я чувствовал, что алкоголь в моих мозгах проделал немалую работу. Да и в Серёгиных тоже. Захотелось что-нибудь свершить, и я не стал себе отказывать: – Пошли разберёмся! И машинку твою возьмём. Чуть что – прямой наводкой без всякого пеленга! А?

– У тебя зубы свои или протезы? – засомневался Серёга. – Если протезы – сними!

– А говоришь, нормальный мужик! – подначил я. – Зассал, да?

– Именно: нормальный! – вздохнул приятель. И тут я понял, что он не откажется, что мы сейчас действительно пойдём разбираться с буйным соседом...

В поход мы снарядились надлежащим образом: на мне трусы, кроссовки и старый Серёгин халат с подвёрнутыми рукавами. Очки я надел, а часы снял. Экипировка моего соратника отличалась только тем, что халат на нём был новый, правда, уже изрядно засаленный. Нести чемоданчик было поручено мне.

– Этот эффект ни хрена не понятен, – бубнил Серёга, спускаясь по лестнице. – Есть, конечно, гипотезы всякие... Но они никуда не годятся. Мне вот кажется... Да я почти уверен, что заглушка музыки – это побочный эффект! А что тогда не побочный? Во, пришли!

Как и положено в хрущёбе, на первом этаже было четыре двери. Три из них явно давно не пользовались. А вот крайняя левая была приоткрыта – дескать, заходи, кто хочешь!

Стучаться в открытую дверь было как-то неловко, и мы просто вошли:

– Есть кто живой?

Похоже, данные апартаменты перестраивали не то под пещеру, не то под тренировочный зал. В этой и соседней квартирах все перегородки были снесены, оставлены лишь несущие стены. Пол в помещении оказался выше нормы сантиметров на 15-ть и облицован серым шершавым пластиком, который слегка пружинил под ногой. Сохранившиеся стены и потолок были облицованы таким же материалом – в общем, сплошное татами!

В видимом пространстве мебель отсутствовала, зато воняло варёным мясом, жареным луком и мужским потом. Впрочем, всё это я зафиксировал лишь мельком.

Мужики здесь дрались...

Именно мужики, то есть мужчины среднего возраста – на десяток, наверное, лет моложе, чем мы с Серёгой. Один был худощавый и длинный – в черных плавках. А другой – низкорослый, массивный – в пёстрых семейных трусах до колен. Двигались они очень шустро. Кое-как отбившись, длинный перевёл дыхание и сам устремился в атаку. Однако коротышка поднырнул под его кулак, прихватил под мышки и довольно чисто провёл бросок с упором стопы в живот. При этом ногу он в последний момент разогнул полностью, отправив противника в полёт. Тот с маху впечатался спиной в стену, обитую странным пластиком. Дом в очередной раз содрогнулся...

Однако длинный сдаваться не собирался – извернувшись, как кошка, он вновь оказался на ногах, которыми нанёс противнику пару ударов в голову, а потом заработал кулаками. Каким-то образом он умудрился подловить коротышку, подсесть... Мощная волосатая туша взлетела над полом и грохнулась.

Дом опять содрогнулся.

Однако коротышка четко сделал «самостраховку», и падение ему ущерба не причинило. Оказавшись на полу, он крутанулся и попытался своими ногами взять «на излом» ногу противника. Тот вывернулся, но чуть не потерял равновесие, а коротышка успел вскочить...

Почему-то мне показалось, что на этом празднике жизни мы лишние – разговаривать тут не с кем. Припав на колено, я раскрыл «волшебный» чемоданчик. Все кнопки были на месте, индикатор светился.

Между тем у длинного бойца в руках образовалась финка или что-то в этом роде. А коротышка вооружился табуреткой – встречная атака!

Результата я не дождался – нажал «Delete»!

И окружающее пространство «моргнуло».

Глава 2. Остров

Первая мысль: «Что за...?! И вторая: «Что же я наделал, пьяный дурак...»

Лазурное море до горизонта, песчаный пляж. Голубое небо с нежарким солнышком, освежающий ветерок: «Гавайи, Мальдивы или что там ещё бывает суперкурортное? Но с какого перепугу?! Где-то такое уже было... Ага, вспомнил: мультик «Кин-дза-дза» по мотивам старого фильма. Дядя Вова, мы на планете Плюк! Спасибо, родной...»

Однако мультики, худлит и сны – это одно, а жизнь – нечто другое. Развлекательные фантазии с реальностью я путать ещё вроде бы не начал, а до «белочки» – все говорят! – надо допиваться долго и упорно. И что теперь?»

Песочек вокруг меня был мелким и каким-то пылевидным. Кроме того, в нем здесь и там виднелись не осколки ракушек, а ржавые болты, гайки, гвозди и прочие железяки разного размера и возраста. В сторону берега за моей спиной колосились джунгли с пальмами и лианами. Только колосились они не просто так – они как бы украсили, заселили нечто чуждое дикой природе – бетонные глыбы с торчащей арматурой, железные конструкции и прочие руины.

В сторону моря смотреть было гораздо приятней. Однако сильно смущало, что песчаный пляж не уходил в набегающую волну – прозрачную и чистую. Он как бы обрывался на толстом ржавом швеллере, а вода плескалась где-то ниже. М-да... Как выразился один персонаж: «Пить надо меньше!»

Совсем недалеко – справа – возвышался небольшой утёс. Больше всего он напоминал одинокий угол недостроенного здания из пенобетона, активно разрушающийся и покрытый тропической растительностью. С его вершины (метров пять над пляжем) раздались громкие негармоничные звуки, перешедшие в визг и мат. Нечто большое и бесформенное устремилось сверху вниз по крутому склону. Потом шмякнулось на выступ и затихло.

«Едрическая сила, – уныло размышлял я, – это что, «тот свет»? Или я проснусь в вытрезвителе? Или в психушке? Вроде криминально своей нормы потребления я не превышал, так с чего бы?! Или это всё Серёгины компьютерные штучки? Убью, гада!!!»

Между тем некто, рухнувший со «скалы», успокоиться не пожелал – кусты на низком уступе зашевелились, раздвинулись и...

– Поздравляю с мягкой посадкой, – мрачно сказал я. – Ну, ты, блин, ва-аще!

– Сам ты...

Серёга выражался грубо, громко и бессвязно. Правда, он быстро взял себя в руки, сосредоточился и заорал:

– Чемодан где?!

– Да вот же лежит – не видишь, что ли?

Взъерошенный и всклокоченный мой школьный приятель кинулся и схватил аппарат. Откинул крышку, что-то включил и скрючился над прибором в неудобной позе. Я понял, что в этом процессе лишний, и отошел в сторонку. Стал любоваться морем вдаль, пока не услышал хриплый стон:

– Иди сюда, Вован!

– Ну, пришёл...

– Ты на что тут нажимал?!

– А я помню?! Вроде всё как ты сказал. Я ж не экспериментатор, мне это на фиг не надо...

– Да-а-а...

– ?!

– Жопа, – авторитетно заявил Серёга. – Полная.

– Угу. Кто бы мог подумать?! А отыграть назад нельзя?
– Нельзя! – заорал изобретатель. – Это тебе не Иван Васильевич, который меняет профессию! Это – реальность!
– Угу, – кивнул я. – Параллельная, что ли?
– Чёрта с два она чему-нибудь параллельная!
– Чо ты орёшь-то? Давай всё в обратном порядке – и будем там, где были. В чём проблема?!
– А в том... Мы же движемся, едрёный кактус...
– Не понял?!
– А я, думаешь, понял?! Пока ты на песочке загорал, а я по кустам лазил, мы куда-то сместились! И не важно, на пару метров или на пару километров. Мы в другом месте, понимаешь?
– Нет!
– Ой, б...ь, Вован! Ну, другая реальность – эка невидаль... Но вернуться мы можем там, откуда вошли – это же азы!
– Ну, допустим...
– А мы уже не там!
– В смысле?
– Какой же ты тупой! То, на чём мы оказались, двигается, понимаешь? Пространственно-временные координаты расходятся! С каждой секундой мы всё дальше от точки возврата!
– Тогда хватай чемодан и бежим!
– Куда?! – простонал Серёга, захлопывая чемоданчик. – Куда бежать-то?! Вправо-влево? И сколько? Нет, Вован, не обольщайся – это пи...ц.
– Полный?
– Угу... В чудеса я не верю. А ты?
– А я верю! – с энтузиазмом отчаяния крикнул я. – Дай сюда! А ну, показывай, что здесь и как!
– Да смотри...
Минут через сорок мы захлопнули крышку:
– Да, – признал я, – похоже, и правда, пи...ц. В том смысле, что обратной дороги нет. Меня смущает другое... Воздух тут нормальный, сила тяжести и давление тоже. Солнечная радиация, кажется, в норме. Так от чего погибаться будем? От голода или тоски?
– Отстань! – простонал Серёга и рухнул на песок. – Теперь всё без разницы...
Некоторое время я сидел рядом, прислушиваясь к окружающему миру и собственным ощущениям. Результат меня удивил: «Ну, не чувствую я тоски и отчаяния! Опьянения или «отходняка» после изрядной дозы «вискаря» я тоже не чувствую. А Серега, похоже, просто заснул. Может, и я сплю? Как-то не похоже...»
Сбросив халат, я дошел до воды. Она оказалась вполне прозрачной, тёплой, но весьма солёной. Дна видно не было. Кроме того, мелкая волна плескалась на добрых полметра ниже кромки берега. Эта кромка и обрыв к воде были из металла – массивного и ржавого. Что-то это мне напомнило, но вот что?
Так и не вспомнив, я развернулся спиной к океану (или что это?) и стал рассматривать сушу. Ничего путного я на ней не увидел – в обозримых пределах рельеф был каким-то неестественным, точнее естественным, но не вполне. Так или иначе, но в пределах полукилометра имелась некая возвышенность – метров десяти. Она была ступенчатой и слегка наклонной, однако обещала дать приличный обзор. Никаких опасностей в округе я не заметил и решил прояснить все вопросы разом – подняться на этот торчок, оглядеться и сделать вывод. Пока и меня тоской не накрыло...

Серёга уже спал богатырским сном и храпел при этом. Я решил, что у него голова слишком низко и подsunул под неё свой свёрнутый халат. Башку его я приподнял, просто взяв за волосы, однако он не проснулся.

Когда я взобрался на эту кривую гряду, то оказалось, что она довольно узкая и далее следует спуск. А там канал. И на берегу этого канала сидят рыбаки. С удочками!

Привязывать крючок к леске и насаживать червяка я научился чуть раньше, чем писать буквы. В детстве для меня рыбалка была даже не хобби, а целью и смыслом жизни. Правда, потом это прошло... Тем не менее я почувствовал присутствие родственных душ и решил подойти – как говорится, рыбак рыбака...

Канал оказался опять-таки с железными стенками – до воды метра два. Рыбаки были вполне нормальными – все солидных лет, кто в спортивных штанах и драной рубашке навывпуск, кто в галифе и жилетке на голое тело, а у кого вся одежда состояла из безразмерных штанов с нагрудником и широкими лямками. Обувь (самая показательная часть туалета!) была соответствующей – пластиковые шлёпанцы, рваные кирзачи, резиновые тапочки-вьетнамки и так далее. В общем, мужики явно оттягивались во вполне благоприятных погодных условиях. Я, естественно, направился к ближайшему.

Седоватый и лысоватый мужик сидел на складном стульчике и следил за удочками. Последние представляли собой двухметровые железные штанги с большими кольцами на концах. Штанги были насмерть приварены к «берегу» канала. В двух случаях роль лески выполняла стальная проволока, бухты которой лежали рядом, а с третьей удочки свешивался потрепанный синтетический канат примерно с мизинец толщиной. В воде, естественно, плавали поплавки – пластиковые и железные канистры. Всё это смахивало на гротеск или пародию на городского удильщика, но смеяться мне не хотелось. Как и подобает в таких случаях, я подошёл, на некотором расстоянии опустился на корточки и стал смотреть на канистры.

Прозрачная вода мерно поднималась и опускалась меж ржавых стальных берегов канала. Прошло, наверное, минут пятнадцать, прежде чем рыбак удостоил меня вниманием:

– Водку пьёшь?

– Не-а, – обалдело ответил я.

– Что так?

– Больше не могу.

– Па-анятно! Тогда сделай доброе дело – принеси пайку.

– В смысле?

– Новенький, что ли? – не отрываясь от созерцания поплавков, мужик протянул мне мятый пластиковый стаканчик. – Вон там краник. Налей, а? Только не топочи – распугаешь!

На цыпочках, стараясь и песчинки не потревожить, я подошёл к мужику, забрал стаканчик и пошёл к трубе, торчащей из склона недалеко от берега. Подставил стаканчик, покрутил «барашек» краника, и из трубы тонкой струйкой полилась прозрачная жидкость. Однако вскоре процесс прекратился – труба хлюпнула и обсохла. Набралось аккуратно полстаканчика – граммов 100. Судя по запаху, это была водка, причём не самая плохая. На всякий случай я закрутил «барашка» в обратную сторону и понёс добычу заказчику.

– Вот спасибо, дорогой! – обрадовался рыбак и одним махом отправил содержимое посудинки в организм. – Вот хорошо!

Теперь – уже на правах знакомого – я уселся рядом.

– А в чём у вас тут проблема? Ну, с ханей-то?

– Да тут вишь, какое дело... – замялся рыбак. – Наливать-то она наливает, но только сто грамм на рыло. И следующую порцию нальёт тебе только часа через полтора. Кому другому нальёт без проблем, а тому, кто дозу уже принял, можно не соваться, пока срок не выйдет.

– Ты хочешь сказать, что эта ржавая труба различает людей, что в ней есть таймер для каждого?

– А бес его знает, что там в ней есть. Часов у нас нет – вот это беда. Электронные тут не работают, а механических ни у кого не оказалось. Так мужики вон песочными обзавелись, чтоб хоть прикидывать, когда за следующей дозой идти. А я вот всё не соберусь соорудить такую приспособу.

– Так сделали бы солнечные, – сказал я. – Всего-то и надо – палку воткнуть и круг нарисовать!

– А толку? Тут солнце всегда на месте – ни закатов, ни рассветов.

– Однако... – оторопел я и почувствовал где-то внутри ледяные пальцы тоски, готовые сжаться и задушить. Надо было срочно менять тему:

– На что ловишь?

– На мудянку, конечно! – охотно откликнулся рыбак. – Больше сейчас ни на что не берёт. – Тс-с-с! – он прижал палец к губам.

Одна из канистр на воде дёрнулась, перевернулась пробкой вниз и поползла в сторону.

– Подсекай! – не удержался я.

– Щ-ща-а-с... – прошипел мужик. Со стульчика он соскочил, встал на колени и ухватил палку с крюком на конце – вроде багра. – Щ-ща-а-с я его...

Мощный рывок снизу почти утопил десятилитровую канистру. Она ещё не всплыла полностью, когда рыбак зацепил багром проволоку на соответствующей удочке и резко дёрнул её на себя. Я не сразу понял его манёвр: из «берега» торчали два обрубка толстой арматуры. На один из них он и накинуд проволоку. Как только возникла слабина, он накинуд «леску» и на второй шпенёк. И процесс пошёл – раз за разом он выбирал слабину! Увлечённый этим зрелищем, я и не заметил, что мы уже не одни: сбегался народ, рыбачивший по соседству. Они, похоже, знали, что нужно делать – у двоих были наготове подсачики – из стальной проволоки на коротких толстых шестах.

Завершения процедуры я не увидел – рыбаки меня оттеснили. Что-то они там дружно тянули, цепляли, хватали... Зато итог я смог разглядеть во всей красе!

Это был не тунец и не палтус.

Оглушённое ударами ломиков и ботинок, существо уже не билось, а только извивалось и разевало зубастый рот. Весило оно, наверное, килограммов 10–12, а формами напоминало батон варёной колбасы, только с пастью, маленьким хвостиком и множеством ножек.

Автора поимки все поздравляли:

– С почином!

– Дай бог, не последняя!

– Ну что, первую делим – как положено?

– М-м... Э-э...

– Не будь жмотом! Ты ж первый сегодня взял!

Я был тут посторонним и, вероятно, претендовать ни на что не мог. Впрочем, мне хватило и визуальных впечатлений: из толкучки над добычей выдавился низенький пузатый старичок – его удочки стояли метрах в ста правее. И этот старикан азартно лопал кусок чего-то шевелящегося и истекающего зеленоватым соком (или кровью?!).

Недалеко справа над каналом виднелось нечто, похожее на мост. Туда я и направился. «Этот ажиотаж явно не с голодухи, – думал я по дороге, – мужики не выглядят истощёнными. Тут что-то другое. Но хотелось бы сначала прояснить общую ситуацию, а потом уж заниматься частностями. Кстати, на каком, собственно, языке я общался с рыбаками? На русском? Но ни одного их слова я ни воспроизвести, ни вспомнить не могу! Что за бред?!»

Следующая облюбованная мной возвышенность была, безусловно, рукотворной – некое сооружение, припорошенное песком, поросшее травой и кустами. На верхушке, наверное, раньше был шест или мачта, от которой остался двухметровый пенёк. Придерживаясь за него, чтоб не свалиться с наклонной плоскости, я стал озирать окрестности.

И мозги мои сразу переполнились всяческими ассоциациями – на что это похоже и чем может быть. Но ассоциации почему-то лезли не из виденных в жизни пейзажей, а из всяческих фильмов-антиутопий про мрачное будущее. Включая фильм «Кин-дза-дза», только песка тут было совсем мало. В конце концов я сел, прислонившись к «пеньку», и стал усиленно думать.

«Как ни крути, а мы попали в какой-то иной мир. Оказывается, при современной технике это дело плёвое. Беда лишь в том, что мы угодили на что-то движущееся. Что означает окрестный пейзаж, который везде кончается морем? Бли-и-ин...

Остров.

Плавучий.

И вся эта твердь – с каналами, посёлками вдаль и пляжами вблизи – ненастоящая! Такое впечатление, что в кучу сбили множество океанских судов – танкеры, сухогрузы, линкоры, авианосцы всякие... Как-то их сплотили, и теперь вся эта махина куда-то тихо плывёт. Причём давно! Я не знаю, с какой скоростью ржавеет железо, но то, что я видел – это останки кораблей, которые держатся на плаву. На них уже и песок нанесло – золотой! – и почва образовалась, и кусты выросли! И люди тут живут... Вот только ловили мужики явно не рыбу... О боги, о боги мои! Ледяные пальцы тоски всё-таки сдавили мою грудь. Я тихо взвыл, матюгнулся и побрёл обратно.

Обходя всевозможные препятствия и неудобья, я вышел к морю чуть левее, чем хотелось бы. Тут какая-то конструкция, высотой метра два, разгораживала пляж под прямым углом к морю. Она отбрасывала тень на песок, которой я и прельстился. Однако спокойно полежать в холодке не довелось, поскольку где-то рядом нестерпимо расшумелись чайки. Оказалось, что птицы орут и кружатся над чем-то на другой стороне ржавого «мола». Невольно я стал наблюдать за ними: чайки были обычные – белые, горластые, помоечные. Всего, наверное, десятка два.

Но вот от стаи отделилась одна особь – чуть помельче и серенькая, а не белоснежная. Отделилась и устремилась в сторону моря.

– Назад, Хайник! – раздался почти нечеловеческий вопль. – Назад, я кому говорю?!

Судя по всему, столь эмоциональный призыв относился именно к птице. Однако она и ухом, точнее крылом, не повела, а, описав круг, спикировала на воду. Дело было всего в 10–15 метрах от берега, так что рассмотреть дальнейшее труда не составляло.

Чайка что-то схватила в воде – рыбку, наверное, – и вновь взмыла в воздух. Точнее, хотела. Она была, наверное, уже в метре от воды, когда безмятежная гладь вспучилась...

Или каким словом охарактеризовать данное явление? В общем, вслед взлетающей птице из воды стремительно высунулось, вынырнуло, почти выпрыгнуло нечто. Вроде крокодила, только с лапами. Рывок из одной стихии в другую был просто снайперским – зверюга ухватила-таки птицу, но та с криком вырвалась и, бросив добычу, криво-косо полетела к берегу. А чудище с огорчением погрузилось обратно в воду.

Сценка мне совершенно не понравилась – я как раз обдумывал возможность искупаться в этом лазурном ласковом море. Что-то теперь расхотелось... Кроме того, рядом происходили какие-то события, и надо было бы в них разобраться.

Преодолеть препятствие, закрывавшее от меня сцену, особого труда не составило. Однако ничего совсем уж экзотического я на той стороне не увидел. Во-первых, там была помойка. То есть груда всякого органического и неорганического хлама. Она воняла. Её составляли обломки ящиков, пластиковых контейнеров и чьих-то скелетов – черепа, позвончики, ребра... Посреди всего этого сидели здоровенные чайки и задумчиво присматривали, что бы здесь ещё клонуть. Среди них было несколько особей, размерами не уступающих прочим, но окрашенных в серые тона – надо полагать, подросшие птенцы.

А во-вторых... Чуть дальше на «чистом» песочке тропического пляжа сидела голая женщина.

До неё было недалеко, так что я мог рассмотреть некоторые подробности. «Вполне нормальная тётя – больше двадцати, но меньше сорока лет, наверное. Не блондинка, но волосы выгорели до белизны. Прическа сделана не в салоне – похоже, что лишние волосы она просто отрезала сама и без зеркала. И загар у неё не пляжный, а рабочий – плечи темнее, чем живот и бока. А грудь вроде бы очень даже вполне... Интересно, а попа у неё тоже загорелая?»

Так вот: эта дама возилась с серой чайкой, которая предприняла столь неудачный рейс в море. Она её гладила, что-то ей шептала... Я подсматривал из-за гребня и старался быть незаметным – дышать через раз и не высовываться. Молодая чайка, похоже, была тяжело ранена – «морской крокодил» не смог утащить её в пучину, но откусил ей лапы и что-то ещё повредил. Общение раненой птицы и человека закончилось неожиданно. Женщина утёрла слёзы, поцеловала чайку в клювик и...

И коротким отработанным движением свернула ей шею – быстрая безболезненная смерть!

Умертвив чайку, женщина не стала рыдать, а начала действовать. Она справила малую нужду на песочке и исчезла в гряде хлама, которая, наверное, являлась её жилищем. Вскоре она появилась во всеоружии – на голове маска и трубка, в руке штуковина, отдалённо напоминающая советское ружьё для подводной охоты (за 30 рублей!). Трусов она, конечно, не надела, зато через плечо (между грудями) появилась перевязь, на которой были закреплены какие-то коробочки и зачехлённый нож приличных размеров. Женщина забрала убиенную молодую чайку и почти строевым шагом направилась к воде.

Стоя у кромки, она что-то крикнула и, широко размахнувшись, закинула тушку птицы в воду. То, что мне издали казалось фартучком, прикрывающим её ягодицы, оказалось ластами, прикреплёнными к поясу сзади. Дама их надела на ноги и привычно, без визга и плеска, нырнула в воду.

Этот эпизод меня сильно озадачил. Однако в дальнейшем созерцании моря, помойки и чаек я не видел смысла: «Надо подаваться обратно – может, Серёга уже выпался? Может, мозги у него прояснились, и он вспомнит, на какую кнопку надо нажать, чтоб всё вернулось на круги своя? Но интересно, на какую-то такую охоту отправилась эта красавица? Ножки у неё, конечно, коротковаты, а так – вполне ничего: животик втянутый, попа пропорциональная, сиськи эротичные... М-м-да...»

Наверное, я размышлял бы ещё долго, но обстоятельства не позволили. Над кромкой «пляжа» взлетел фонтанчик воды, выплунутой из дыхательной трубки. Мгновение спустя очаровательная (и голая) незнакомка оказалась целиком на суше. Ласты полетели в сторону, а она, оттопырив попу, принялась тянуть что-то из воды. Похоже, кого-то загарпунила и теперь шпуля на её подводном ружье была пустой. Выбирать фал (или леску?) она даже не пыталась, а просто пятилась, пытаясь подтащить добычу к берегу. Эта её загорелая спинка, талия, этот умопомрачительный изгиб... В общем, инстинкты мои взяли верх над разумом: я прыгнул вниз и побежал на помощь.

Поскольку подсачика у меня не было, я не придумал ничего лучше, чем ухватиться за натянутый фал, чтоб помочь тащить добычу.

– Отвали! – прорычала незнакомка. – Я подтяну, а ты на кромке прими!

Казалось, я понял её с полуслова и метнулся к границе воды и суши. Тонкий синтетический фал аж вибрировал от напряжения. Добыча вот-вот должна была оказаться рядом. Растопырив руки, я готов был её подхватить и выбросить на берег.

– Ой, дур-р-р-рак! – её голос был полон отчаяния.

– Что такое?! – меня обидели в лучших побуждениях. – Я же помочь хотел!

– Совсем офигел, да? Ты... – рывок фала чуть не свалил её с ног. Однако она выровнялась и упёрлась, зарыв пятки глубоко в песок.

– Что стоишь, твою мать?! Нож возьми!!!

Ситуация явно была критической. От меня требовались какие-то быстрые и правильные действия. Но вот какие? Взять нож? Но таковой имелся только на перевязи водолавающей дамы, занятой вытягиванием кого-то из лазурных глубин. А что потом с этим ножом надо делать?

Так и не решив всех этих вопросов, я стал действовать «по наитию». Кинулся к даме, удерживающей трос, и выдернул нож из чехла у неё на груди. Накинул петельку шнурка на своё запястье. А потом метнулся к берегу – к воде, из которой трос кого-то тянул. Этот «кто-то» оказался не маленьким...

Я, конечно, подозревал, что туземка загарпунила не рыбу. Или не совсем рыбу... И уж точно не на два килограмма весом. Но беда в том, что от железной кромки берега до воды тут был добрый метр – как тут подхватишь эту живность? Наверное, у меня сработал древний инстинкт или рефлекс – не упустить добычу, не упустить ни за что!

И я спрыгнул в воду. Никаких сомнений относительно дна у меня не было: оно рядом, сразу встану на ноги и начну действовать!

Только никакого дна там не оказалось. Безмятежная мелкая волна скрывала под собой бездну. С перепуга и от неожиданности я погрузился, наверное, метра на два. Выгрёбся наверх я очень вовремя – женщина как раз подтащила свою «рыбку» к берегу, и мы с ней встретились...

Это был какой-то кошмар – зубы, когти, лапы, хвост, плавники... Очки, конечно, с моего носа свалились и болтались на груди на шнурке.

– В брюхо бей! – орала сверху туземка. – Под лапу надо, придурок! Режь, режь ему связки! Вот так! Ещё раз ткни с поворотом! Вот молодец! Шею теперь перережь!

В этой битве «наши» победили. В том смысле, что все участники оказались на суше. Меня, изнурённого борьбой и покрытого ранами, прекрасная незнакомка хотела выдернуть из воды за волосы – как морковку из грядки. Однако я вылез почти сам, не желая расстаться с остатками растительности на черепе.

На сознательном и подсознательном уровне я ожидал какого-то признания своих заслуг – типа «спасибо за помощь». Однако в первую очередь лишился ножа, болтавшегося на моём запястье, а потом и иллюзий:

– Не ложись на песок, дурак! Обсохни сначала!

Пришлось подняться на ноги. Это получилось без особого труда (кости целы!), а никаких серьёзных ран на себе я не обнаружил – лишь множество царапин, некоторые из них слегка кровоточили. Помнится, в молодости ласки иных подружек оставляли более существенные следы.

Морское чудовище вместе с хвостом и пастью было, наверное, чуть длиннее меня. В зоологии и ихтиологии я разбираюсь слабо, но беглый осмотр добычи позволил сделать вывод: «Мы такого не проходили!» Эта животина, конечно, немного напоминала крокодила... А немного – дельфина, большую ящерицу, акулу и тюленя – всё в одном стакане. Точнее, в шкуре. Форма морды и хвоста навевала мысль о том, что существо скорее хищное, чем травоядное, что добычу оно скорее атакует снизу, чем подбирает со дна.

Как только дыхание моё восстановилось, а из лёгких была удалена вода, я смог более или менее осознанно наблюдать происходящее рядом. Голая, прокалённая солнцем незнакомка, ловко орудуя ножом, извлекла гарпун из «шеи» чудовища. Надо полагать, у него был повреждён позвоночник, иначе так легко я бы не отделался. После этого дама принялась разбирать «линь» и наматывать его на «шпулю» – коническую катушку под ложем её под-

водного ружья. Рассмотреть его в деталях я не смог, однако, судя по мощности боевой пружины, с этой штукой вполне можно было охотиться на китов средних размеров.

Надрезав шкуру под нижней челюстью, женщина ухватила за кость возле зубов и вознамерилась тащить чудище прочь от воды. Получалось это у неё плохо, поскольку «крокодил» был великоват. Однако моей помощи она не попросила. Что должен делать настоящий джентльмен в такой ситуации? Дать совет, конечно...

В некоторой растерянности я оглянулся по сторонам – и удача мне улыбнулась! В нескольких метрах от нас в песке валялся толстый ржавый прут арматуры. А подходящих дырок в железном пляже было хоть отбавляй. И я как суровый мужчина начал действовать – рационально, экономно и без лишних слов.

Двухметровую арматуру я от песка отряхнул и, засунув один конец в дырку какой-то железной конструкции, мощным усилием загнул в виде крюка. С этим крюком я подошёл к пылящей даме и небрежно предложил свои услуги. Она не отказалась.

Мы зацепили убиенную зверюгу за челюсть и, ухватившись за арматуру, вдвоём поволокли прочь от берега. Мне, естественно, хотелось узнать: куда? Однако я воздержался от вопросов и просто следовал за лидером. Оказалось, мы тащим добычу на ту самую помойку, где чайки.

Загорелая дама действовала решительно и умело. Лежащий кверху пузом «крокодил» был вспорот и распластан несколькими движениями ножа. Из области пояса задних конечностей незнакомка вырезала кусок мякоти килограммов на пять, завернула его в кусок шкуры. После этого она явно собралась покинуть это место и напоследок издала некий звук, мало на что похожий. Для чаек, чинно сидевших вокруг, он послужил сигналом. Они кинулись все разом, тесня друг друга, отмахиваясь крыльями от конкурентов и издавая совсем не мелодичные звуки. Какая-то очаровательная белокрылая птичка вскоре вывалилась из толпы, волоча за собой кишку, которую заглотить целиком ей никак не удавалось...

Б-р-р!

И ещё раз: бр-р-р!

Созерцать это зрелище сил никаких не было, поэтому я перевёл взгляд на нечто более приятное. Местная дама, закончив дела на «помойке», засунула нож в чехол на груди, прихватила свёрток с мясом, своё подводное ружьё и отправилась (виляя бёдрами!) к сооружению, которое мне сначала показалось кучей хлама. Теперь, всмотревшись, я склонился к мысли, что это из песка торчит какая-то корабельная надстройка. А снаружи она завалена разнообразными деревяшками, которые, наверное, используются в качестве топлива для очага.

«И что делать? – озадачился я. – Что я вообще могу предпринять в такой ситуации? Если только дерзнуть... Серёгина машинка доходчиво объяснила, как надо обращаться с женщинами – неужели я утратил способность учиться? Она же женщина... Она же самочка репродуктивного возраста... И нашего вида... Я, правда, на самца-доминанта похож мало... Но всё-таки! Эх, чем дорожу, чем рискую на свете я?... Иду!»

Войти внутрь я, конечно, не решился. Сел, стал смотреть в безбрежную даль и пересыпать песочек из ладони в ладонь. Моё ожидание было не напрасным:

– Ну, и хрен ли ты тут сидишь?

Вспомнив о подсознательных предпочтениях женщин, я ответил неспешно и мудро:

– Где хочу, там и сижу! Ты мне не указ! Тебе не понять возвышенных исканий моей души! Вот, к примеру, меня всерьёз озадачил изгиб контура твоей тушки. Ну, где у тебя талия в попу переходит. Понимаешь, этот твой изгиб...

– Пошел на хрен! – донеслось из жилища.

– Сама туда иди, хы-хы! – отреагировал я. И продолжил раздумчиво: – С другой стороны, у меня сложилось впечатление, что правая грудь у тебя несколько массивней, чем левая...

– Заткнись!!!

Я понял, что ступил на верную тропу. И продолжил озвучивать свои размышления:

– В целом, конечно, ничего... Но ноги длинноваты – м-да-а... И к тому же совершенно не кривые и лысые! Прямо уродка какая-то! Может, ты их бреешь? Не похоже... И как ты с такими ногами при посторонних мужчинах ходишь?!

Из тёмного входа в жилище вылетел некий предмет. Траектория его была однозначна. Однако я вспомнил шуструю молодость и принял подачу...

– А-а-а!!! Ты офигела?! аа

Это оказалась кастрюля с супом. Горячим!

Время остановилось. Или, наоборот, ускорилося...

Так или иначе, нормально я стал воспринимать реальность уже лёжа на спине. Сначала женщина вылила на меня пару литров довольно холодной воды, а потом стала чем-то мягким удалять с кожи остатки этого самого супа, каши или хрен его знает чего.

– Больно? – спросила незнакомка без особого, впрочем, сочувствия.

– Не то слово, – мужественно ответил я.

– Скажи спасибо, что кипел давно и успел остыть.

– Спасибо! Только меня такими мелочами не смутить. Это ты чуть что кастрюлями кидаешься... А я всегда только о возвышенном думаю!

– Это о чем же?

– О форме твоей талии, конечно, – пожал я плечами. – А ты что подумала? Опять-таки, пропорции твоих сисек...

– У меня ещё чайник есть – не остывший! – заметила дама.

– Неси! – не дрогнувшим голосом проговорил я. – Ради истины я жизни не пожалею! И мученическую смерть приму!

– Какой истины-то?

– Ну, что у тебя правая сиська толще левой!

– Врёшь! Это левая... – задумчиво проговорила она и вдруг спохватилась: Слушай, ты, собственно, откуда взялся, а? Может, перестанешь придуриваться? Или ты по жизни такой?

– Нет, – сказал я решительно и принял сидячее положение. – По жизни я вполне нормальный. Правда, выпиваю регулярно и зарплата у меня маленькая. Зато дети уже взрослые. А грузу я тебе то, что ты хочешь слышать, говорю то, что тебе интересно. Иначе ведь зарежешь и чайкам скормишь!

– Вообще-то могу, – по некотором размышлении признала дама. – А как ты догадался?

– Что тут гадать-то?! – пожал я плечами. – Все вы... Впрочем, не буду о грустном. По науке, женщины – подательницы пищи, хранительницы очага и прочее. А ты ошпарила меня этой самой пищей, вместо того чтобы накормить! Какой облом, какое разочарование, да-а... А попой виляла как настоящая!

– Ничего я не виляла!

– Отстань, коварная, мне виднее, – твёрдо заявил я. – Уйду от тебя в туманную даль! Бесчуйственная ты, и ноги у тебя...

– Это куда же ты собрался?

– У меня на той стороне Серёга спит. Как бы не сгорел на солнышке...

– И давно спит?

– Да часа два уже, наверное...

– Ну, тогда никаких проблем, – авторитетно заявила женщина. – Его уже съели!

– Что-о-о?!

– То-о-о! – передразнила меня незнакомка. – Но кости, наверное, ещё остались. Пошли! Где там этот твой Серёга...

Бежать по мелкому сухому песку было трудно. Однако недалеко. Дама оказалась не права – Серёга был ещё жив. Правда, осталось ему немного...

Определить систематическую принадлежность этих существ я, конечно, не смог. Больше всего они были похожи на сухопутных крабов. Каждый примерно так со стандартную алюминиевую миску. Это если не считать клешней и лап, торчащих во все стороны. При этом данные гады бегали очень шустро и... прыгали!

Серёгу они взяли в кольцо и атаковали. А он держал круговую оборону. Мы появились как раз в тот момент, когда на его распоясанном халате повисло штук пять этих тварей одновременно. Серёга халат скинул, растоптал несколько самых активных агрессоров, а прочих начал распинывать ногами. От его ударов они летели далеко и высоко, но, сволочи, приземлившись, тут же вставали на лапы и вновь устремлялись в атаку.

Надо было, конечно, бросаться на выручку приятелю – немедленно! Однако что-то меня остановило. Несоответствие какое-то...

Незнакомку, рвущуюся в бой, я прихватил за левую руку (в правой был нож) и дернул:

– Стоять!

– Что-о?!

– погоди, говорю... Давай осмотримся... Как бы хуже не было!

– Ну, давай, – внезапно согласилась она, останавливаясь и переводя дыхание. – Вроде справляется!

Картина была, конечно, экзотическая, но не совсем драматическая. Некий *Nomo sapiens* – здоровенный жлоб с изрядным брюшком – голыми руками и обутыми в кроссовки ногами сражался с какими-то непотребными тварями. Причем на песчаном пляже и на фоне вполне идиллического морского пейзажа. Сражался он вроде бы вполне успешно и, самое главное, этот воин был не один!

Вокруг поля битвы неровным кругом разместились чайки – те самые, с помойки. Когда какой-нибудь изувеченный «краб» вылетал с поля боя, они дружно кидались к нему. Но столпотворения не получалось – две-три авторитетных особи присваивали себе добычу, а остальных отгоняли. Эти остальные в драку не лезли, а вновь рассаживались по кругу в ожидании следующей жертвы – дисциплина!

И была тут ещё одна птица – ворона. Хромая и взъерошенная, она решила принять непосредственное участие в битве, так что Серёга сражался не один. Птица прыгала возле него по песку, долбила клювом зазевавшихся «крабов», а на остальных душераздирающе каркала, от чего они пугались и шарахались в сторону. В общем, ворона расстраивала ряды врагов и не давала им разом навалиться на такую вкусную и мясистую добычу.

Ситуацию портило лишь то, что на близкой кромке пляжа возникали всё и новые и новые «крабы». Они выпрыгивали из воды и шустро бежали на помощь своим соратникам. Похоже, на Серёгино мясо – с жирком! – охотников здесь было много.

Наша атака оказалась дружной и сокрушительной. Мы с незнакомкой бежали и шумели: я орал что-то грозное и матерное, а дама воинственно визжала и размахивала ножиком. Надо сказать, что рядом с ней я и себя-то не слышал...

Победа была полной: поняв, что им ничего не светит, «крабы» дружно устремились к воде, а чайки разочарованно разлетелись в стороны. Облаченный в остатки трусов Серёга явно не чувствовал себя спасённым от неминуемой гибели. Он, похоже, чувствовал себя победителем. На нас он сначала вообще внимания не обратил, а занялся хромой вороной:

– Ты молодец, Каги! Мы победили!

– А-р-р!

– Жри всех, кто остался! Никто тебе не помешает!

– А-р-р!

– Что бы я без тебя делал, моя птичка?

– Ка-р-р! – сказала польщённая ворона и смущённо опустила клюв. – Ка-а-а?

– Всё, что видишь, твоё! – сделал широкий жест Серёга. – Лопай, пока не треснешь!

– Ка-а, – кивнула птица и подскакнула к ближайшему раздавленному крабу. – Ка-а!

Чайки сидели в отдалении и, надо полагать, глотали слюнки. Однако приближаться пока не решались. Между тем Серёга милостиво изволил заметить нас – своих истинных спасителей. Я его не заинтересовал, а даму он некоторое время рассматривал, даже с боку заглянуть попытался. На столь пристальное внимание незнакомка реагировала угрожающим движением ножа, который держала прямым хватом.

– Эх, ма! – вздохнул вундеркинд и изобретатель. – Вот ведь вляпались... Ты чо меня бросил, Вован? Чуть не заели эти тараканы! Весь халат искушали, сволочи!

На самом деле халат был почти цел, если не считать нескольких дырок. А вот от его трусов действительно остались рожки да ножки.

– Слушай, Серёга, – раздумчиво сказал я, – когда ты успел отрастить такое пузо?! Ты ж всю дорогу тощий был!

– Сам не понимаю, – горестно вздохнул изобретатель. – В перестройку – в голодные годы – оно вдруг само стало расти. Вроде и питался я только макаронами с хлебом, а оно растёт и растёт! Но я уже привык.

– Ты, может, и привык... Слушай, надень хоть халат – не удобно же перед дамой!

– Кому неудобно?! – слегка растерялся мой бывший одноклассник. – Ах, да, сейчас надену...

Он успел завязать пояс, прежде чем спохватился:

– Чо ты мне грузишь, Вован?! Твоя дама вообще голая!

– Во-первых, не голая, а обнажённая. А во-вторых, она же красивая, – сделал я интонационный акцент. – А ты?

– А я... – Серёга, похоже, разгневался, – А я... Слушай, Вован, что ты вообще в жизни понимаешь?!

– Всё! – самоуверенно изрёк я. – Мужчина должен быть...

– Да заткнись ты, придурок! – прорычал изобретатель и лёгким движением руки смёл меня в сторону. – Не позорься перед девушкой!

– Сам дурак, – пробормотал я, понимая, что остался не у дел. А Серёга уже рокотал «обволакивающим» басом:

– Простите, мадам, мой непритязательный вид. Это всё местные насекомые!

– Они не насекомые!

– Ну, не важно... Агрессия этих тварей поставила меня в слегка затруднительное положение. Вы спасли мою жизнь и здоровье! Если б не вы, о, таинственная незнакомка, мои кости украсили бы этот пляж! Нет меры для выражения моей признательности! Я готов пасть к вашим ногам! Я готов...

– Хорош орать! – буркнула женщина, убирая нож в чехол. – Кости они тоже потом съедают. А если готов падать к моим ногам, так падай!

– Что, прямо так? – опешил Серёга. – Я же весь изранен, весь в крови – вдруг какой сепсис занесу! Может, вы меня сначала перевяжете, приложите к ранам целебные травы, а потом я и паду – в смысле к вашим ногам, а?

– Сейчас я тебе приложу, – пообещала красавица. – И приложу, и перевяжу так, что мало не покажется! Падать к ногам будешь или нет?

Серёга, кажется, растерялся. Это было так на него не похоже, так для меня непривычно, что прерывать их диалог было просто грешно.

– Конечно буду... раз надо, – пролепетал он. – А зачем?

– Для удобства разделки, – деловым тоном ответила женщина и оглядела Серёгу с головы до ног. – Слушай, пойдем на ту сторону, там ты и падёшь, а? У меня ж птички вечно голодные, а ты тяжелый! Хотя, собственно, можно и расчленишь... Или просто сюда их позвать... М-да-а... Давай, падай, пока не передумал!

Мой несгибаемый приятель оказался в смущении. Местная дама ожидала. Она села, стала пересыпать песок из руки в руку и откладывать в сторону железки, которые в нём попадались. Серёга тоже уселся на грунт и в пароксизме отчаяния обхватил руками голову. Однако, в отличие от меня, в трудную минуту одиноким он не остался. Сильно хромая, к нему подсказала серая ворона:

– Ка-а!

– Вот! – сказал изобретатель и протянул свою немаленькую лапу. Ворона не отстранилась и позволила ему погладить себя пальцем по голове. – Только ты меня понимаешь!

– Ка-а, – сказала птица и обильно погадила на песок. – Ка-а!

– Да, – сказал Серёга, – ты права. Злые они все. Корыстные. Только о себе и думают!

А я... А мне...

– Ка-а, – сочувственно кивнула птица.

– Вот именно! – как бы воспрял духом изобретатель. – Ну, вляпались мы во что-то! Что ж теперь, помирать, что ли?!

– Ка-а! – сказала птица. И добавила: – Кх-а-а...

– Это мы ещё посмотрим! – категорически не согласился мой приятель и воззвал: – Вован, ты собираешься меня представить своей даме? Или ты вааще?!

– Это ты мне? – оторвался я от раздумий о суициде. – А вы разве ещё не знакомы?

– Ну, ты, блин...

– Заткнись! – резко возразил я. – Слушай, пока ты тут спал и с раками воевал, я провёл разведку. Ничего хорошего сообщить не могу. Мы куда-то плывём. Люди здесь как бы живут. Надо ли и нам тут жить – не уверен. Зачем эта девушка взялась тебя спасать, я понятия не имею. Как её зовут – тоже не знаю. Усёк? Но она довольно красивая и... добрая, – добавил я, вспомнив про летающий суп.

Как это ни странно, но ожоги мои почти не болели – может, суп был действительно не очень горячим?

Возникла пауза – кто сидел, кто лежал – и все думали о смысле жизни. Включая ободрившуюся ворону, которая растопырилась на песке и тяжело дышала.

– Света меня зовут, – вдруг сказала женщина. – Кандидат биологических наук.

– Владимир, – откликнулся я. – Тоже кандидат, но совсем других наук...

– Ученые, блин... – прохрипел Серёга. – А я на докторскую пошёл, но на предзащите затоптали гады!

– Не признали юного гения! – хмыкнул я. – Ретрограды, ревизионисты хреновы!

– Традиционалисты, – поправил Серёга. – Нет у людей полёта... Света, можно с вами на «ты»?

– Ну, рискни...

– Мне терять нечего! А что ты имела в виду под падением к твоим ногам? Причем в каком-то определённом месте, а?

– Да ничего я не имела! Просто чайки же всегда голодные. В море им нельзя, а у них инстинкты. Наверное, сейчас идёт отбор – выживут те, кто сможет обходиться без хватания добычи с воды. Но их же тянет, они же чайки... А там эти верхоплавы – почти всю популяцию извели! Теперь, похоже, сами вымирают – птицы кончились. Но туда им и дорога – уроды какие-то инопланетные!

– И ты кормишь чаек, чтоб они в море не летали? – сообразил я.

– Да разве их накормишь...

– Погодите, – привстал на локте Серёга, – ты, значится... Я, значит, от избытка чувств паду к твоим ногам, а ты, значит, меня чайкам скормишь, да?

– А что, ты большой, – пожалла загорелыми плечами женщина. – Тебя им надолго хватит. Но лучше на той стороне – я их к одному месту кормёжки приучаю.

– Какой цинизм...

– Причём тут цинизм?! Сейчас речь идёт о судьбе популяции! Если она по численности перейдёт порог резистентности, то уже не восстановится, и чаек здесь не будет. Нужно продержаться, пока станет репродуктивным нынешний молодняк. И следующее поколение надо проконтролировать. Они быстро учатся, но инстинкты часто оказываются сильнее.

Я просто не смог удержаться, чтоб не добить окончательно своего гордого одноклассника:

– Да ничего страшного, Серёга! Мы им только что верхоплава скормили. Света мастер своего дела – она тебя совсем не больно зарежет!

– Спасибо друг! – безрадостно сказал Серёга. – Я, между прочим, уже лет семь психотерапевтом и психоаналитиком подрабатываю. И дипломы у меня есть, и корочки! Так что ты мне ничего нового о людях и женщинах сообщить не сможешь – не пыжься! А вот к Свете у меня есть вопрос...

– Ка-а! – вдруг сказала ворона и захромала к своему другу. – Ка-а?!

– Ой, ты ревнуешь, моя птичка? – тоненьким голоском возопил Серёга. – Ну перестань, ну чего ты?

Он хотел вновь погладить её пальцем по голове, но птица невежливо уклонилась и сказала:

– Ка-а!

– Цыц! – возмутился Серёга. – Не твоё дело!

– Ка-а... – обиделась ворона и понуро заковыляла обратно.

– Ладно, дамы и господа, – встрял я. – Давайте расставим точки над «і», поймём, как жить дальше. Кто кого кем будет кормить? И вообще!

– А вот это – здравая мысль! – слегка оживился Серёга. – Ты знаешь, чего я сейчас хочу?

– Похмелиться?

– Слушай, Вован, – похоже, он искренне обиделся, – в отличие от некоторых, я ещё не клинический алкоголик. Алкоголик, конечно, но не клинический. В общем, без опохмелки как-нибудь обойдусь. Меня истина интересует, правда жизни, так сказать! И, в отличие от некоторых, живу я не низменными инстинктами, а возвышенными исканиями!

– Слыхала? – я по-свойски пихнул плечом женщину. – Как погибает! Ну, точно экстрасекс или ...

– Вован, я бы вас попросил!.. – не стерпел приятель. – Дай мысль закончить!

Тут уж я не выдержал и заорал:

– Достал ты со своими мыслями, Серёга! Мне завтра на работу! А когда наступит это завтра?! И где та работа?! Во что ты меня вляпал, придурок?! Верни взад, а то убью прям щас, на хрен! Ну, давай открывай свой чемодан, нажми на что-нибудь и верни меня на остановку! Я к жене поеду! Ну тебя на хрен! И...

Я ещё что-то кричал – довольно долго, наверное. Облегчал, так сказать, свою душу.

А потом пришел в себя. Или, может быть, из себя вышел – насовсем.

Голубое небо. Лазурное море. Ласковый ветерок и тёплое солнышко. Я сижу на песочке в трусах. Грудь и живот мои исцарапаны и ошпарены, а плечи, похоже, уже сгорели под солнцем. Вокруг расположились «мои» люди, которые особого сочувствия ко мне не испытывают. Ворона смотрит задумчиво и клонит голову то вправо, то влево. Серёга подмигивает Свете, кивает в мою сторону и крутит пальцем у виска. Однако женщина на него внимания не обращает, поскольку мечтательно смотрит в морскую даль.

На самом деле смотрела она не мечтательно, а вполне по-деловому. Вдали показалась летящая птица – чайка над волной... Света вскочила и издала горлом (или чем?!) какой-то невнятный клёкот – явно переходящий в ультразвук. А потом разразилась серией криков, которые жители приморских городов слышат ежедневно. Только они в них ничего в них не понимают. А тут взаимопонимание было полным. Могучая белокрылая птица сделала в воздухе круг и приземлилась на песок у ног Светы. И сразу же начались разборки:

– Ка-а! – возмутилась ворона. Растопырив крылья, вытянув шею и открыв клюв, она двинулась в сторону чайки. – Ка-а-а!!!

– Кхегме-кле! – заявила чайка, принимая воинственную позу. – Кме-кле!!!

– Мать вашу! – сказала Света и с маху поддала ногой чайке под брюхо.

– Кле-кме! – обиделась птица и, обретя устойчивость, взлетела. Она сделала в воздухе круг и направилась в сторону «помойки». Пролетая над нами, птица справила нужду, но ни в кого не попала.

– Ну, я ему устрою, – буркнула женщина себе под нос. – Достал он меня, гадёныш!

– Света, – ласково пророкотал вдруг Серёга. – Я понял, что растратил жизнь напрасно. Если бы я вовремя встретил тебя...

– Заткнись, а? Ты мне ещё в любви признайся – вот я сейчас уши развешу и сомлею! Ага, дожدهшься!

– Да я, собственно, и не сомневался! – ухмыльнулся Серёга. – Не надеюсь, не зову, не плачу! И иллюзиями не обольщаюсь. Но мой суперкомп ещё работает. Может, приобщись к познанию науки?

– Ты о чём?

– А вот есть у меня тут приборчик. Я назвал его «думатель», но Вовка категорически не согласен. Он, впрочем, ни хрена не понимает... Короче: ты ложишься на песочек и расслабляешься. А на голову водружаешь вот эту штучку с датчиками. Лежишь себе, и думаешь о наболевшем. А машинка потом всё прояснит – и на экран выведет. Можно, конечно, и озвучить – по желанию заказчика.

– Это зачем?

– А мы таким образом познакомимся! Неформально.

– А мне надо с тобой знакомиться? Неформально?

– Ну-у... Как бы... – замялся Серёга. – Дело хозяйское... Я вообще могу в сторонке постоять. Результат ты сама просмотришь. Не понравится – сотрёшь. А можем и обсудить – тебе, наверное, интересно будет.

– С кем обсуждать-то? – сурово глянула на нас женщина. – С вами, что ли?!

– А почему бы и нет? – вяло поинтересовался я. – Мы, конечно, не первой свежести, но не совсем дураки, да и сперматозоиды продуцировать ещё можем. Хотя классический репродуктивный возраст уже пережили. Но ещё живы.

– Вот и радуйтесь! – буркнула женщина. – Покажи-ка мне эту штуку!

Следующие минут 30-40 я был не у дел. Здоровенный пузатый Серёга в дырявом халате и «хрупкая» местная девушка – совсем голая! – раскрыли чемоданчик и повели беседу на компьютерном языке, мне мало понятном. Некоторые слова я, конечно, узнавал, но...

– Ладно, – в итоге сказала Света. – Но в монитор не суйся. Мой интим тебе ни к чему, понял?

Она стала укладываться и пристраивать на голову «шлем». Хромая ворона отнеслась к этому неодобрительно: прыгала вокруг, косилась глазом, разевала клюв, но каркать не решалась. Серёга тоже суетился, как паж возле королевы, а ворону при случае просто отпихивал ногой.

– Поехали! – сказал он.

Никто никуда, естественно, не поехал – где были, там и остались. А меня опять охватили смутные мысли: «Зачем это всё? Чего ради?!»

– Стоп! – скомандовал Серёга. – Хватит! Оно загрузилось. Лишнего нам не надо, а то диск или батарея сдохнет!

Света сняла шлем, сфокусировала свои зеленоватые глаза с выгоревшими ресницами на Серёге, и по лицу её пробежала (мелькнула, скользнула?) такая неуловимая, почти неуследимая гримаска. Я без труда вспомнил опыт прожитых лет: «Если по лицу девушки пробегает вот такая тень, то она не даст ни за что – сколько её ни пои. Или сразу пошлёт, или «динамо» будет крутить. Так что Серёга в данном случае отпал. А я?»

– Не трогай прибор! – тихо прорычала женщина. – Я сама во всём разберусь! И не подсматривай!

– Света, – примирительно промямлил Серёга, – ваша стеснительность меня просто шокирует. Такая хрупкая, такая робкая, такая ранимая...

– Знаешь что?!.. Вон, ворону свою в колпак засунь и анализируй! Это она хрупкая и ранимая. Не мешай лучше!

– А что, это мысль... – вдруг загорелся Серёга. – Его сразу перестали интересовать обнажённые тела прекрасной туземки, его захватила новая идея:

– Слышь ты, птица, – обратился он к хромой вороне. – Изучаться будешь?

– Ка-а!

– До чего же ты тупая, блин. Слова по-человечьи сказать не можешь!

– Мох-ожешь... Ка-а!

– Правда, что ли?! – изумился изобретатель. – Ну, скажи что-нибудь умное!

– Ка-а... Кру... Кму... Му-...к!

– Кто?! – грозно надулся Серёга.

– Ка-а...

– Опять за своё, блин... Сейчас я тебя точно в органолептор засуну!

– Ка-а!

А я впал как бы в ступор, прострацию и депрессию. Сидел и смотрел на весь этот абсурд – на фоне лазурного моря. Света дочитала текст на экране, стёрла его и что-то спросила у Серёги, а он ответил. Только мне всё это было до фени... Очнулся я, когда понял, что меня зовут. Оказалось, мы идём в гости – к Свете.

И пошли, благо это было довольно близко. Вообще-то, мне не раз приходилось бывать в женском «холостяцком» жилье. У него есть особые приметы: сантехника в аварийном состоянии и всюду сушатся трусики. Ничего подобного здесь не наблюдалось. Похоже, хозяйка трусиками просто не пользовалась, а сантехника напрочь отсутствовала.

– Есть будете? – явно для проформы спросила Света.

– А... Э... Гм... – ответили мы с Серёгой.

– Так бы сразу и сказали! – отреагировала хозяйка. – Кушайте на здоровье, гости дорогие!

На железный столик с облупившейся краской плюхнулся тот самый шмат мяса, вырезанный из местного «крокодила». А упаковка – кусок чешуйчатой кожи – стала исполнять роль скатерти. И что с этим делать?!

– О, Света... – сказал Серёга. – Вы так... Кхе... Гм!

– Угу, – кивнула женщина. – Вы что, новенькие? Откуда взялись?

– Мы – старенькие! – твёрдо ответил я. – А взялись мы...

И я чётко – как на экзамене – оттарабанил год, месяц, день и время нашего «попадания». И в заключение добавил:

– Вообще-то, мне завтра на работу!

– Угу, – кивнула Света. – Мне тоже – к девяти тридцати. И что из этого?

– Но мне показалось, что ты как бы... – промямлил Серёга. – Ну, в общем... Того!

– Кого – того? – ухмыльнулась туземка. – Вы есть будете или нет?

– Мэ-э... А надо?

– Пожалуй, надо! – усмехнулась туземка. – Во всех книжках по этологии, психологии, урологии, сексологии и проктологии так прямо и написано: мужики думают не мозгами, а желудком, кишкой и ещё кое-какими придатками.

– Как ты цинична... – простонал Серёга. – Как натуралистична...

– Всё с вами ясно, – вздохнула женщина. – Объясню для самых тупых: еды в этом мире полно. Вы – тоже еда. Но если кушать хотите сами, то делается это вот так!

С этими словами она отщипнула от студенистой груды, лежащей на столе, изрядный шматок и отправила его в рот. Прожевала, проглотила и потянулась за следующей порцией.

Ни тарелок, ни ножей, ни вилок... Даже салфеток не подали! И что делать? Вообще-то есть мне хотелось не сильно. Однако надо было соблюдать приличия. И я потянулся к этой субстанции...

Как я понял, это действительно было мясо – мышечная ткань. Правда, не красного, а какого-то зеленовато-голубоватого цвета. Отделить кусок от целого было не трудно. А дальше... В общем, больше всего это напоминало мякоть экзотического цитруса помело. Мягонько, почти безвкусно и сытно – ешь себе и ешь!

Дело кончилось тем, что Серёга перестал бороться с рвотными позывами и присоединился к нам. Сначала, конечно, робко – я, дескать, только попробую. Потом он вошёл во вкус, и от здорового куса мяса вскоре почти ничего не осталось. На мой организм продукт подействовал как-то странно: тяжести в желудке не ощущалось, но на душе наступило облегчение, как будто утром после вчерашнего застолья выпил бутылку пива.

– Какая прелесть! – умильно промышал компьютерный гений. – Ел бы и ел! Света, ты просто гениальный кулинар! О такой жене должен мечтать каждый здравомыслящий мужчина! Нет, ты просто сказка! Ради того чтобы меня так кормили каждый день, я готов... Что такое?!

Он таки заметил выражение наших лиц и стал пялиться то на меня, то на Свету. Чтобы хуже не стало, я решил прояснить ситуацию:

– Серёга, это блюдо не даёт повода для кулинарных комплиментов нашей очаровательной хозяйке.

– Это ещё почему?

– Потому что это просто сырое мясо какой-то местной морской твари. Понял? И не вздумай плевать!

– А-гмн... – сказал Серёга. – Ты ва-аще, да?

– Не-а!

– Во бли-и-ин...

Снаружи – сквозь клёкот чаек на помойке – донёлся новый звук. Лицо Светы как-то разом осунулось, постарело. Она протиснулась к двери и покинула помещение. Перекошенная дверь сама собой открылась, и мы увидели, что наша хозяйка, бросив гостей, торопливо шагает к берегу. Я решил на всякий случай последовать за ней, а объевшийся Серёга потащился следом.

Ох-хо-хо-о... Есть такой старый шлягер со словами: «Этот мир придуман не нами, этот мир придуман не мной...» В данном случае это было именно так – я бы до такого не додумался.

На пляж – или каким словом обозвать здесь границу воды и суши? – вылезло некое существо. Именно оно издавало клекочущие призывные звуки. Света шла несомненно к нему. Она ещё не рассталась со своей «перевязью», однако в данном случае руки её были

пусты – нож из чехла она не достала. Уже на подходе у меня что-то ёкнуло внутри: вдруг совершенно отчётливо я понял или почувствовал, что не надо – не надо нам туда ходить!

– Сядь и уймись! – сказал я Серёге. – Мы тут лишние.

– Угу – согласился компьютерный гений и последовал моему совету. – Поглядим...

Существо, преодолевшее границу воды и суши, было похоже на чёрт знает что. Голова вроде бы человечья и руки есть, а вот всё остальное... Ну, читали мы про Ихтиандра, но это! В общем, я как бы поставил блок в своём ассоциативном мышлении – не надо пытаться понять то, что понять невозможно!

Судя по всему, между Светой и водным существом произошёл короткий, но очень эмоциональный диалог. Закончился он тем, что женщина стала пинать собеседника босыми ногами. Странное существо в ответ издавало какие-то звуки, пыталось защититься руками, но в конце концов благополучно плюхнулось в воду. И больше не появлялось... А Света побрела по песку обратно.

Глава 3. Причины

Я искренне полагал, что уже немало познал в этологии человека. А такое познание, помимо многих печалей, даёт возможность экстра- и интерполировать поведение ближних. Вот и сейчас я сидел на песке и прикидывал: «Мы имеем дело с умной и как бы независимой самочкой нашего вида. Мы с Серёгой, судя по всему, ни сексуального, ни социального интереса для неё не представляем. Как она, будучи в стрессе, поступит? Мимо пройдёт? Не-а!»

Так и случилось: неподалёку от нас Света остановилась, и мы некоторое время слушали, как она всхлипывает. Потом я счёл возможным задать вопрос:

– Слушай, вот мы сюда попали сдуру. А ты из-за чего?

– Хлюп-хлюп...

– Всё ясно: страсти! Глубокие душевные переживания! Любовь и ненависть...

– При чём тут это?!

– А что же «при чём»? Ухват? Скалка?

– Нет, сковородка...

– Да не может быть! – почти против воли подначил я. – Неужели ты...

– Да!

– И что теперь делать? – задумчиво спросил я. – Как нам отсюда выбраться? Ты, кстати, хочешь домой?

– Не знаю...

– Как это не знаешь?! – удивился я.

– Заткнись, дурак! – раздумчиво посоветовал экстрасенс-изобретатель. – Оставь человека в покое. Лучше подумай мысль: чтобы выйти откуда-то, надо бы понять, как вошёл, верно? Или как вошли другие. Ну, с нами всё ясно, а Света?

– Что ты до меня докопался?! – вскинулась женщина.

– Надо бы провести ещё одно исследование, – с фальшивой робостью сказал Серёга. – Это нужно для нашего спасения, да и ты, может быть, когда-нибудь захочешь вернуться.

– Какое ещё исследование?! Вот сейчас я всё брошу...

– Ну, не хочешь, как хочешь... Только мне кажется, что ты попала сюда примерно из того же места и времени, что и мы. Надо бы проанализировать информацию, а потом произвести синтез – сделать обобщения и выводы.

– Да пошёл ты... – не вполне уверенно отмахнулась Света.

– Пойду, конечно, – вздохнул Серёга и вдруг перешёл на свой «обволакивающий» бас: – Света, в нашей жизни много сложностей. Но все они, оказывается, наукой давно изучены и имеют объяснения. Правда, не всем от этих объяснений становится легче жить... Хочешь, что-нибудь угадаю про тебя? Ты – цивилизованная и высокообразованная женщина. Однако оказавшись в... скажем так, необычной обстановке, ты ведёшь себя несколько странно и вообще ходишь голой!

– Как хочу, так и хожу!

– Логично. Тем более что здесь такая возможность имеется. А почему ты хочешь ходить именно так?

– Отстань!

– Попытаюсь угадать, – снисходительно улыбнулся Серёга. – Скорее всего, ты долго и мучительно боролась с лишним весом. Наконец ты его победила и опять стала лёгкой, стройной и сексапильной. Продемонстрировать там этот факт, наверное, было сложно, а здесь – запросто. И это при том, что демонстрировать себя здесь почти некому – туземцы сюда не ходят, а нас с Вованом ты за мужиков не считаешь, верно?

Женщина скривила презрительную гримасу, села на песок, вытащила из чехла нож и воткнула его в песок по самую рукоятку.

– А мне тёща говорила, – вспомнил я, – что женщинам без ничего сидеть на грунте нельзя.

– Здесь можно, – буркнула Света. – По-моему, тут всё стерильно.

– Однако вернёмся, как говорится, к нашим баранам, – продолжил Серёга. – Если ты нас за людей не считаешь, то тем более стесняться нечего. Может, расскажешь всё-таки, как ты сюда угодила, а?

Под действием этого рокошующего, обволакивающего голоса что-то со Светой сделалось: как-то она вдруг оплыла и обмякла, как-то вдруг стало видно, что ей уже за... ну, скажем, больше восемнадцати. Снова хлюпнула носом:

– Муж...

– К другой? – понимающе проворковал Серёга.

– Если бы! – Хлюп, хлюп. – Он просто так... Гад, сволочь!.. У него бабушка двоюродная померла и квартиру ему оставила. И он туда стал переселяться. Я помочь хотела, ну, типа прибраться... А он отказался... Ну, говорю, хоть покажи, что за квартира... Ни фиги! А где находится, адрес? А тебе, говорит, это не нужно, хочу, говорит, жить один. Нет, ну, какая сволочь, а? Ведь двадцать лет вместе! И вот... В общем, решил свалить и даже адреса мне не сказал. Если что, говорит, звони по мобильнику! А дозвонишься ему – он же спец по этому делу! Тебе вежливо ответят его голосом... А сам, может, в это время с какой бабой трахается?!

– Ну, в нашем информационном мире любой адрес узнать несложно.

– Но он мне его не сказал, – Хлюп, хлюп. – Не позвал...

Я смотрел на Серёгу и умилялся: он вдруг преобразился – собрался и подтянулся, стал мудрым и всезнающим гуру. Может быть, он действительно был профессионалом, который попал наконец в свою среду, в область своей компетенции.

– Света, наверное, ты в чем-то прокололась. И, наверное, не вчера. Ваш брак был... м-м-м... по любви? Страсть имела место?

– Имела... Ещё как!

– Четыре раза в день, а потом ещё и вечером?

– Н-ну-у...

– Как я тебя понимаю... А когда это всё закончилось? Когда ты вдруг поняла... нет, почувствовала, что больше уже не хочется?

– Н-ну-у...

– Всё прошло «как с белых яблонь дым» только у тебя, а не у него, верно?

– Н-ну-у...

– Ты сама, конечно, не скажешь, когда это произошло. А я попробую угадать, ладно? Вы зарегистрировали брак на приличном месяце первой беременности. Потом была вторая и второй ребёнок, верно? Это все?

– Да...

– Почему-то, так я и думал! В общем, сексуальный интерес к мужу ты потеряла примерно через два с половиной или три года после заключения брака. Угадал?

– Н-ну-у...

– Едем дальше! А дальше встаёт извечный вопрос женской философии: какого хрена ему от меня надо?! По какому праву он чего-то хочет?! Подаренный когда-то «мерседес» устарел – на таких приличные люди уже не ездят! А у самого перхоть на пиджак сыпется, и носки воняют. Почему я должна слушать его рассказы про конфликты с начальством?! Сам дур-рак! Правильно?

– Какой там «мерседес». – Хлюп, хлюп. – У него «семёрка» была...

– Это не важно, – отмахнулся Серёга. – Мужики рано или поздно прокалываются, особенно по пьяни. С твоим такого не было? Он ничего такого не говорил? Вспомни, пожалуйста!

– Н-ну-у... Он не пил, вообще-то... Но один раз... У них корпоратив какой-то был... В общем, он еле пришёл домой и плёл что-то несусветное. Типа, когда-то что-то я ему не так сказала, и с тех пор он просто терпит, пока вырастут дети. Что мне на него плевать, меня, дескать, только чайки интересуют. Что вместо того, что бы поддерживать его, я пытаюсь делать карьеру сама. Ладно, говорит, я подожду, а ты занимайся своими чайками. Ну, совсем пьяный был! И вот, значит, дождался...

– А как вы расставались последний раз... там?

– Как-как... Устроила ему скандал, сковородкой стукнула... Он ушёл, а я в туалете закрылась, сижу и реву. И сама не знаю, чего хочу больше: чтобы он был, или чтоб с птицами мне не мешали работать. Ну, наревелась всласть, выхожу... Вот сюда и вышла!

– Дальше, дальше, Света! Это же не всё, правда?

– Куда ж дальше... Получила разом: то и это!

– И чайки, которых надо спасать, и... Он здесь, да?

– Да. – Хлюп, хлюп. – Только я его не простила! И...

– Говори, говори – это важно! Что ж я из тебя как клещами тяну?!

– Странно тут как-то... Я, вообще-то, с чайками давно работаю – диссер по ним писала. Их коммуникационные сигналы наизусть знала, а кое-что и воспроизводить могла. А тут оказалось, что понимание полное – их язык для меня как родной, мы разговаривать можем! Не сразу, правда, но, кажется, быстро...

– А муж?

– Прогнала я его, сказала, чтоб не подходил. – Хлюп, хлюп. – Он, вообще-то, ещё со школы подводным плаванием увлекался. А под старость вообще фанатом стал. Ну, начал и тут плавать. И что-то с ним от этого сделалось... Вы видели... Но не сразу... Приплывает иногда...

– Та-ак, – сказал Серёга. И вдруг закаменел лицом, стал суровым и мужественным: – Должен тебя разочаровать, Света. С такими проблемами ко мне обращались множество раз. Обычно в итоге меня просили найти способ вернуть мужа. И всегда я отвечал одинаково: таки нет! Я не колдун и не торгую приворотными зельями! Могу объяснить причины, прояснить мотивы. А дальше думайте сами, решайте сами!

Выдержав эффектную паузу, он несколько смягчился, подобрел и сказал проникновенно:

– В нашем случае всё проще. Есть суперкомпьютер – мой чемоданчик. Шлем на голову и думай свои проблемы. По идее эта штука должна сделать объективный вывод и дать рекомендации. А уж следовать им или нет – дело твоё. В монитор с итогами исследования без твоего разрешения никто не заглянет – сама понимаешь.

Чемоданчик Серёга оставил в жилище, так что далеко идти не пришлось. Однако по дороге я всё-таки успел спросить:

– Здесь действительно не бывает ночи?

– Не бывает...

Мы расположились на свежем воздухе. Сеанс исследования внутреннего мира был недолгим. Правда, у Светы возле глаз остались белёсые полосы – следы от высохших слёз. Серёга пощёлкал клавишами и демонстративно повернул экран в её сторону:

– Ознакомься с результатами!

Света читала и, наверное, перечитывала текст довольно долго. Потом встала, хлюпнула носом и махнула рукой:

– Да ну вас!.. – И побрела куда-то прочь по песку.

– Надо полагать, – задумчиво сказал ей вслед Серёга, – что нам открыт доступ к её интимной информации.

– А оно нам надо, экстрасекс хренов? – не менее задумчиво ответил я. – Ясно же, что данная красавица своего мужика терзала и мучила двадцать лет. Наконец он попытался вырваться, но не тут-то было. Какая трагедия драмы... или драма трагедии...

– Не двадцать, – поучительным тоном сказал Серёга. – А всего лишь лет семнадцать – восемнадцать. Но я с тобой согласен, ведь это целая жизнь! Ты заметил, что никакого раскаяния, никаких попыток понять, в чём была не права? Это он – гад и сволочь. А я – невинная овечка, которую обидели ни за что. Такое восприятие событий у женщин очень распространено – я наварил на нём кучу бабок. Будем смотреть?

– Давай!

Серёга щелкнул клавишей и текст пошёл сначала.

– Ч-черт, он опять с дочеловеческих предков начал – конца и краю не видно!

– А реферат можно?

– Сейчас попробую... Во, получилось, читай!

«...Основных слоёв подсознательной мотивации два: древний (миллионы и сотни тысяч лет) и юный (тысячи лет). В первом случае важно привлечь и удержать наиболее высокорангового самца. Во втором случае важно не быть одной – хоть какой-то самец должен быть рядом. Городская цивилизация кардинально изменила условия жизни, но подсознательные мотивации решений и поступков остались прежними. У женщин это противоречие выражено сильнее, чем у мужчин. Долговременный парный брак ни в каких человеческих инстинктах не прописан – это очень позднее изобретение, способствующее выживанию популяции в условиях чудовищной перенаселённости. Вместе с ним, вероятно, возник невроз, который называют «любовь» или «влюблённость». Репродуктивный смысл этого явления...

...Безудержное влечение двух особей друг к другу, разумеется, не может длиться вечно. Если мужчина достаточно высокого ранга, то у него это пройдёт очень быстро – может быть, сразу после соития, может быть, только утром. В этом случае женщине придётся искать другого (а высокоранговых самцов всегда не хватает), либо бороться за этого, и её «любовь» не угаснет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.